

ДНЕВНИК 1849 ГОД

Я н в а р ь

1 [января]. — Встал как бы ничего, перекрестился и поклонился несколько раз, прося бога (в которого, бог знает, верю или нет) о счастья Вас. Петровичу и себе; после чаю читал Гизо Hist. de Rév. и в продолжение утра прочитал около 100 стр.; в 3 [час.] пришел на минуту Ал. Фед., после Серапион Благовосветлов, который просидел с полчаса, после Ив. Вас., который просидел до 6 час. (с час); мне было досадно, что Терсинские так смеются над ним, и я готов был защищать его. С ним вместе пошел к Вас. Петр.; он проводил до окон и пошел домой. Я просидел там час; когда пришел, Надежда Ег. спала, и Вас. Петр. говорил мало. Между прочим, когда она уже проснулась и потягивалась, он сказал: «Счастливы люди, которые скоро привыкают к своему положению; правда, и я часто могу скоро привыкнуть и даже к самому дурному, но не ко всякому... напр., вот хоть к марьяжу... И странное дело, что судьба ставит человека в такие положения, в которых никогда не следовало бы ему быть». Это мне открыло снова глаза на всю глубину ложности положения и горя, в которое поставлен он этим браком. И она? Разве она также не несчастлива? Мне мелькнула мысль, что уже не в самом деле ли должно его назвать человеком безрассудным и без характера, — но мне самому совестно этой пошлой мысли. Когда пришел домой, чаю уже напились, и я сказал, что пил, когда Любинька спросила, — конечно, не стану говорить иначе, — и пришло в голову: хорошо же начинается новый год, — тем, что не пил чаю вечером. Ив. Гр. сказал Ив. Вас., что до весны уже нельзя, а тогда должно будет, занять другую квартиру, получше и подешевле и поболее, — итак, и они понимают неудобства этой. Что мне делать, я, конечно, не знаю, но что сделаю — это знаю: пока Вас. Петр. не устроится, я не перейду от них, потому что деньги, сколько возможно, нужны. В зале было холодно, утром на столе перед диваном 12° и окна замерзли, я отчищал лед. (— Писано это около половины второго в зале, 2 числа.) — Когда воротился, спина ломилась, как бы после чрезвычайно долгой ходьбы, как бы начинается лихорадка по этой боли.

2 [января]. — Утром раздосадовал головою Ив. Гр., который смеялся над Ив. Вас., что тот дурно говорит о духовных сановниках и пр. — И вчера и ныне до обеда сидел в зале у печки и ныне даже вздумал сесть на комод. Ночью была два раза полнолуния, и тяжело было после нее в этом члене. Ныне дочитал до 3-й книги Гизо и опять начал снова, потому что хочется хорошенько запомнить эту историю, но успех не решительно хорош. Итак, если это пойдет до конца так, то я буду читать ее 4 раза.

Вас. Петр. обещался быть ныне утром вторично вечером, чтобы вместе идти в Залеману, потому что я хочу, сколько возможно, облегчить его от тяжелой беседы. Но вот поутру его нет, что-то будет после обеда.

Вчера (или нет, третьего дня) пришло в голову, что списанная по моей методе сокращенно «Княжна Мери» поможет прочитать другим мои бумаги и этот дневник, если я стану человеком замечательным и умру, не успевши написать сам своей автобиографии, с помощью этих бумаг и дневника, а то мысль, что эти материалы могут пропасть, вообще меня сильно (т.-е. не сильно, а все равно что, напр., что будет, когда Над. Ег. после Вас. Петр. останется на моих руках, или как Манилова занимал его мост) занимала. Теперь, кажется, я обеспечен: не могу сказать хорошенько, шутя или нет я пишу это: «успокоен в этом отношении» — так глупо, что каждый скажет: шутя, насмех, — а между тем, едва ли так, — нет, это серьезно занимает меня.

(Писано 3-го, понед., 7^{1/4} утра.) — После обеда стала разбирать ломота в спине и проч., как бы лихорадка; я подумал, подумал, идти или нет в университет за письмом (собственно ждал я повестки), решил, что лучше пойти, потому что может быть и расхожусь. Пошел — и в самом деле неприятное расположение прошло в теле. Идя оттуда (там получил повестку на 100 руб. сер., чего никак не ожидал, что так много, — но чувствования это никакого не произвело, — вероятно, 70 руб. сер. или 75 Любиньке; да и мелькнула мысль: если будет мне 40 руб. сер., отдать их Василию Петр. в два раза, а не в один, — мысль пошлая, отзывающаяся холодностью и глупым педантством, которое говорит: «смотри, чтобы не шло у него понапрасну денег», как будто б он не лучше меня знает им цену и умеет их беречь), зашел к Ал. Фед., который был в Царском; у него взял 22—23 «Débats», эти уж прочитаны мною, вечером читал их (т.-е. с 4 [час.]). Ждал Вас. Петр., но его так и не было — жаль, что не было — Ив. Гр. был весь вечер у Мих. Павл. — Прочитавши их, не стал читать Гизо, а «Москвитянин», который весьма глуп; и играл с Любинькою в шахматы. Уснул раньше, чем пришел Ив. Гр., около 11.

3 [января]. — Проснулся в 6^{1/2}. Марья тотчас стала подавать самовар, о котором я говорил вчера. Мне было отчасти неприятно, что слишком рано, целым часом. Как написав, читал Гизо и лежа стал писать это в зале, между тем как Ив. Гр. пишет на столе в спальне. От Ворониных зайду в почтамт, оттуда к Вольфу посмотреть новые номера журналов. Вечером буду ждать Вас. Петр. — Что-то получу на почте? Однако, меня занимает несколько только то, напишут ли что-нибудь о перемене квартиры или нет, да и о шитье одежды тоже.

4 час. • 50 мин. — Пришел к Ворониным слишком рано, в 8 час. 40, сказали, что спит. Пошел в почтамт, получил деньги. Экзектор, когда пришел, увидя меня в углу, сказал: «Вот хорошо, что вы рано, а то будет много». Я поздравил его с новым годом, он

подал руку и сказал: «Для нового года вам прислали поболе». Я сказал: «Большую частью присылают не мне, а сестре». Пошел к Ворониным, Константин сказал, что в пятницу — это меня не взбесило несколько. — Пошел к Корелкину, — тот все представлял из себя актера. Ушел в 10¹/₂ к Вольфу, спросил кофе и «Отеч. записки», — ни их, ни «Современника»; я читал газеты до 2¹/₂ без особого интереса — нового только скандальная история Мальвиля. В 3 часа, когда пришел Ив. Гр., обедали; раньше и после играл в шахматы.

(Писано 4-го в 3³/₄.) — Вчера пришли вскоре после этого Александр Яковлевич и брат Горизонтова, посидели; едва только ушли, как пришел Пластов, — я ему весьма был рад; он громким голосом (как всегда) говорил о театре, Фанни Эльслер и проч. Как ушел (в 8), я пошел к Олимпу, его не было, поэтому к Ал. Фед., у которого просидел до 11¹/₂ без особого удовольствия, но скука едва показывалась; говорил также в психологическом роде, и раз, когда он сказал, чтоб я развил мою тему, что человек не переменяется, я начал с того: «Напр., положим, честолюбие есть в человеке, ну, теперь он мальчик, если нет сил, так, чтобы быть первым в играх, он может быть меланхолик». — Это его поразило: «Удивительно верно; это мой портрет», — сказал он. Я не сумел, да и [не] позаботился развивать его жизнь, а продолжал прямою дорогою и скоро кончил. Взял Губеров перевод «Фауста» у него.

4 [января]. — Утром проснулся почти в 9, стал после чаю писать письмо, еще не кончил (в 10¹/₄), как пришел Залеман, чтоб дожидаться здесь Вас. Петр., который стал одеваться, чтоб идти к графу, с которым намерен ехать в Штутгарт. Пришел Вас. Петр., выкурил трубку и пошел (Ив. Гр. уже не было). Залеман остался здесь, я письма так и не дописал. Вас. Петр. пошел к графу (это писал, дожидаясь Ив. Гр., а Любинька держала в руках «Современник» № 11, теперь взяла «Фауста», я беру читать «Современник»).

(Писано января 5-го до обеда, 5 час.) — Только что я взяла вчера «Современник», пришел Ив. Гр. и начали обедать. Мне было досадно до обеда, что он так долго не идет, потому что хотелось идти к Славинскому; теперь мы сели обедать.

Продолжаю теперь рассказ о Вас. Петр. Вас. Петр. пришел в необыкновенно живой радости: «Есть надежда; князь человек весьма умный и необыкновенно обходительный, во всяком случае в первый раз встречаю между нашими вельможами такого: он говорит, что весьма много заботится о воспитании своих детей, считает это весьма важною вещью, просил бывать у него чаще, каждый день, чтобы, говорит, мы могли с вами познакомиться. Спрашивал, занимаюсь ли литературою, я сказал да, и теперь должен понести к нему показать что-нибудь: это-то именно мне и подает надежду, что он разборчив, поэтому станет смотреть не на аттестаты. Когда спросил, есть ли у меня кто знакомый, я сказал, что Сидонский может сказать ему обо мне. Это его обрадовало, —

верно он знает Сидонского. Умный человек и без этих оскорбляющих и унижающих гримас, которые всегда почти в наших вельможах». Вас. Петр. был чрезвычайно рад, говорил живо, довольно, мне это было отчасти стеснительно, потому что не хотелось, чтобы сестра расслышала подробности, как и куда и что, и проч. «Теперь, — говорит, — я пойду к Сидонскому предупредить его, если не застану — попрошу быть дома в 7 час.». — Я сказал, чтоб зашел снова ко мне, если застанет, оттуда, а если нет, так в 7 час. зашел бы, я пойду вместе с ним — сам думал я пойти к Излеру. Зашел оттуда и сказал, что Сидонский был весьма обрадован его приходом, сказал, что дивился, что он перестал бывать у него, дивился его женитьбе (хотя, говорит, конечно, уже знал об этом от Орлова) и проч. Вас. Петр. был весьма рад. Я тоже за него и потому, что если он выйдет из стесненного положения, то и я выйду тоже, — так-то мерзкие эгоистические стихи вмешиваются везде — и уже явились мечты, как же это будет: мне должно будет съездить за Сашею и вместе проводить Над. Ег. в Штутгарт — удивительно, что за мысли бродят в голове! — До обеда играл после этого в шахматы, у него обещал быть в среду.

(Писано 7 числа, пятница, 12 час. 10 мин. утра.) — После обеда отправился к Славинскому, увидел, что он пишет для отца ведомости, и ушел через $\frac{1}{4}$ часа, сказавши, однако, что ухожу потому, что у него есть дело, а не по чему другому.

5 [января]. — Утром был Вас. Петр., сказал, что на Литейной глупость: жена, которую вчера он встретил, сказала, что дадут перевод, а муж ныне сказал, что не стоит его утруждать этим. Просидел до 3, так что Ив. Гр. пришел. После обеда я тотчас к Славинскому, у которого просидел до 6, оттуда идя заходил к Излеру, и не видал все-таки «Presse», для которой главным образом заходил, чтоб посмотреть Шатобриана Записки, поэтому зашел в Пассаж, там увидел, что печатают не их, а что-то Ламартина. Оттуда к Вас. Петр., у которого просидел с 8 до $9\frac{3}{4}$, [он] говорил о том, что поедет, если будет тепло, завтра (6-го) на Рогатку к Ульяне Яковлевне; я сказал, что должно ехать, он не хотел. Деньги вчера вечером (4-го) разменяли, и я отдал 25 руб. сер. Вас. Петр., когда он был поутру. Взял «Современник» и «Отеч. записки» 12-е №№, и Вас. Петр. обещался прийти в пятницу (7-го) утром. — Когда пришел, читал взятые книги.

6 [января]. — Утром с $10\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{4}$ просидел у Вольфа, где, однако, не было ни «Отеч. записок», ни «Современника», за которым собственно я пошел; но читал все и между прочим и «Revue d. d. Mondes», пил кофе. После все читал дома. Идя от Вас. Петр., купил вчера на 20 к. сер. пастилы и ел вечером вчера и утром это и отдал может быть $\frac{1}{3}$ Любиньке, нет, меньше; это с давнего времени, с того времени, как живу вместе с ними, покупаю я в первый раз сласти. Вчера утром, когда ждал по обещанию или лучше так, потому что знал, что пойдет мимо, Вас. Петр., сердце билось какою-то тоскою, как раньше, когда ждал его при-

хода; в этом много участвовало то, что я думал о том, что отдам ему деньги, чего раньше не было, т.-е. о чем раньше не думал.

7 [января]. — Все до сих пор читал и прочитал почти все. «Том Джонс» весьма хорош, но не Гоголь — болтовни много; но претворительно. Когда начал читать «Белые ночи»¹¹¹ вечером, боялся влияния Вас. Петровича похваля: «конечно, покажутся хороши, потому что он хвалит», — но нет, кажется, сам увидел, что в самом деле весьма хорошо; кажется, что сам увидел, что весьма хорошо. Ныне вечером от Ворониных зайду к Излеру; если будет «Presse», — останусь там, если нет — к Ал. Фед. — К Ворониным иду решительно ничего, как бы и не прерывалось. Теперь 12 ч. 28 м.

(Писано 8-го, суббота, 1½ ч.) — Был Вас. Петр., ушел в 2¼, хотел быть ныне от князя и Сидонского на обратном пути; я у него хотел быть в воскресенье после обеда. Он пришел в новой шинели, я заметил это, но не стал говорить, потому что здесь была Любинька; променял на прежнюю и дал в придачу 15 р. сер.; довольно хорошая, с снотовым воротником, хотя, конечно, довольно плохим. Это мне показало, что он мог располагать теперь несколько деньгами, и — странный, пошлый эгоизм — мне пришлось в голову: то, что я лишаю себя возможности располагать ими для него, сильнее, чем то, что слава богу, если он не горюет, по крайней мере, об этом. Сказал, что на Сретенье был на Рогатке, выиграл 7 р. сер. и весьма рад; весьма хорошо, если бы почаще. — Я думаю после обеда играть и в шахматы. От Ворониных, где ровно ничего особенного, пошел к Излеру, — он перестал, кажется, выписывать «Presse», поэтому я побываю разве еще раз у него, а то более не буду: не из-за чего, лучше к Вольфу; после к Ал. Фед., у которого до 10½ (час.). Разговор не вязался, т.-е. я не хотел вязать; взял за 24—31 «Débats» и когда пришел, читал их, но скоро уснул.

8 [января]. — Утро все читал «Débats» и теперь почти прочитал, кроме рассуждений Национального Собрания и иностранных новостей, которые обыкновенно отлагаю. Из 31 декабря хочу списать имена [тех], кто за, кто против ссавки 2/3 налога на соль¹¹² — во всяком случае, главные имена.

(Писано 10-го, 10 ч. 10 м. утра.) — Вас. Петр. не был потому, как узнал, когда был у него 9-го, что проснулся поздно и не ходил к графу, а пойдет уж в понедельник 10-го, т.-е. ныне, и оттуда зайдет ко мне. В субботу Ив. Гр. не приходил из Сената до 6 ч., мы его ждали и все-таки не дождались, пообедали в 5½ и я тотчас в университет. Савельич был болен, я зашел к нему в комнаты и рад тому, что зашел; оставил 20 к. сер. за письмо. Оттуда к Славинскому, по дороге на минуту оттуда к Ханыкову, — он все болен, и я почти все молчал, да и он говорил без особого жару, так что было не решительно нескучно; книг никаких я не взял у него; спорить или излагать своих мыслей не хотелось, потому что сам ничего не знаю в этом деле. Пришел домой в 11½.

9 [января]. — Утром пошел к Ол. Як. показать письмо; от него

в кондитерскую к Вольфу, где прочитал новый «Современник» («Отеч. записок» еще не было); статей хороших нет, книга пустая довольно. Пошел оттуда в 3, и на дороге захотелось ужасно испражниться; я зашел в дом, который подле Милютиных лавок по каналу; это уж не в первый раз, что я досаживаюсь до того, что не могу дойти до дома. После обеда спал. В 7 ч. пили чай, и я к Вас. Петр., где просидел до 11 ч. почти. Под конец я все говорил, хоть без всякого одушевления, о политике; отнес ему XI и XII [№№] «Современника». Вас. Петр. обещался зайти от графа 10 числа. В эти дни я в шахматы не играл, а все читал «Débats» и «Современник» (XI и XII) и «Отеч. записки» (XI).

10 [января].— Хотел было утром идти к Ол. Як. за «Историю Консульства» Тьера, которую предложил он, и чтобы купить бумаги, но раздумал, чтоб не проходил Вас. Петровича и потому, что должен спросить денег у Любиньки, которая по моему расчету должна дать мне еще сдачи 2 р. 20 к. сер. с 5 р. сер., которые отдал я ей, когда получил деньги. Вчера был Алекс. Фед., но не застал меня, часов в 6. Эти деньги, которые на Любиньке, не знаю, получу ли, потому что она, кажется, не думает о них.

(Писано 12 янв., 9 час. веч.)— В понедельник В. П. пришел, и я вместе с ним пошел (он у графа не был, потому что проспал, а пошел к Сидонскому) купить бумаги и к Ол. Як.; купил на 40 к. сер. полдести и 25 конвертов, потом к Ол. Як., но не застал никого. Когда шел от него домой, под ложечкой или, как это сказать, в грудных костях стало весьма больно, так что я подумал: «Ну, уж не холера ли, да нет, пустое», но на дороге прошло, хотя было минут 10 весьма больно. Вас. Петр. пришел от Залемана, принес себе новый «Современник» и сказал, что Сидонский сказал, что граф еще не был у него. Вечером от Ворониных я пошел к Ол. Як., у которого застал Ал. Фед.— Тьера уж он отдал; это меня почти не раздосадовало, только так головою было неприятно.

11 [января].— Утром обещался быть Вас. Петр., но не приходил, поэтому тотчас после обеда отправился я к нему, просидел почти до 5¹/₄ и воротился назад. Играли в карты, и Над. Ег. своею непонятливостью (радуется чрезвычайно, когда ее выводят в короли, и решительно не может заметить, что оба ей нарочно уступают и выводят ее) и проч., своими толками о модных картинках и о том, что непременно должно оставить их, — одним словом, тем, что необыкновенно неразвита в этом отношении, решительно как 10-летнее дитя, она, я говорю, возбудила сильное сожаление о Вас. Петр. во мне.— Пришедши оттуда, почти все спал, с самых 7¹/₂ до двух, когда Ив. Гр. воротился с вечера у Мих. Павл. (это еще в первый раз так поздно), и думал, что, проснувшись в два, уже не усну; напротив, просыпался еще и все снова тотчас засыпал, так что спал не менее 12 часов сряду. Да, был Ал. Фед. до обеда, я ему по условию дал на время 10 р. сер. из тех 20, которые оставил для внесения в университет.

12 [января].— От Ворониных пошел к Вольфу, «От. записки»

чтоб читать. Их уже читал один господин, которого я просил после дать мне их. Он все читал, но наконец его соблазнил «Сын отечества», который лежал у меня на коленях, и он поменялся на него. У Вольфа не видно «Droit» и «Gazette de France», но вместо того, — и может быть это лучше, — явилась «Indépendance Belge»¹¹³, — ее-то я раньше всего и начал читать, а после «Staats-Anzeiger» прусский¹¹⁴. Итак, во Франции Собрание большинством 4 голосов приняло в рассмотрение предложение Rataeu; во Франкфурте дали полномочия Гагерну вести переговоры с Австриею как отдельною державою¹¹⁵. У Вольфа я просидел так долго, как, может быть, никогда еще не сидел, до 4½, так что пришел домой в 5, — выпил только кофе и не проголодался. У «Отеч. записок» переменялся формат полей, и от этого, хотя страница печатная осталась та же, книга стала шире; взяв ее, я перекрестился, молясь, чтобы нынешний год были здесь труды мои или Вас. Петр.; они переменялись также в том, что вместо двух колонн везде теперь одна. Прочитал «Неточку»¹¹⁶; хотя содержание мне не нравится, но мне кажется, что это решительно не то, что «Капельмейстер Сусликов»¹¹⁷: то чушь, а это писано человеком с талантом, так что не чуждо психологического анализа и занимательности для науки, хотя собственно мне и не понравилось. В Смеси «Натаалья Ивановна»¹¹⁸ писана довольно порядочно, хотя решительно ничтожна, но видно, что человек не решительно пошлый, хотя есть некоторые следы тупости. Записок Шатобриана нет, о чем я жалел. Обзор литературы за 1848 г. писан лучше, чем в «Современнике», но все не слишком-то, и зачем было несколько говорить о «Домби»? Это отзывается общим местом. Места из «Рустема и Зораба» Жуковского¹¹⁹ в самом деле некоторые весьма хороши по языку и стиху, весьма хороши, как будто народная легенда наша или из Гете; есть, хотя мало, и Державинских оборотов вроде девочкам — сучочкам. После обеда лег читать «Фауста» Губера, и теперь перевод понравился более, чем сначала; заснул между прочим и спал до чаю; после был доктор у Любиньки, и как уехал, я принялся писать это.

В газетах пишут, что Гизо скоро издает продолжение своей «Истории англ. революции» — Кромвеля. Мне бы хотелось это как-нибудь прочитать. Что думать о Гагерне и споре его с Linke за Австрию, не знаю; верно в самом деле нельзя, если Gagern решается исключить ее из Германии — у меня какое-то хорошее мнение о нем, а отчего — я сам не знаю, и, этому хорошему мнению уступая, я не ругаю его за то, что он не рубит с плеча, как всегда Linke. А Роберт Блум все нейдет у меня из головы и все меня беспокоит мысль, что это убийство должно остаться без отмщения. Теперь 10 часов, завтра начинаются снова лекции: для меня ровно все равно, только то разве, что теперь нельзя по утрам видаться с Вас. Петр. В «Неточке» мне что-то кажется: не к этому ли же роду людей, как отчим Неточки, принадлежит и Вас. Петр.? т.-е. со слабою волею? — Внешнее сходство меня заставляет так

думать тоже, напр., женитьба того и другого; но что за слабость воли у Вас. Петр.? — это вздор.

13 [января]. — Утром читал кое-что довольно плохо из давно принесенных Ив. Гр. книг, играл в шахматы, тосковал о Вас. Петр., которого между прочим и дожидался; в 12 час. ушел в университет к Куторге, но его не было, потому что болен. Оттуда я шел с Филипповым, прошли до Мойки, он по каналу, я пошел к Вольфу, у которого просидел до $3\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ часа — и чувствовал усталость и ломоту в спине (когда пришел домой, уже после увидел, что это припадок лихорадки). Куткины утром присылали письмо, я вследствие того написал Данилевскому, чтоб он пришел к ним. Около 5 пришел Вас. Петр. и сказал, когда вышел курить в залу, что Горчаков, у которого он был ныне, сказал: «Вы человек семейный? Это одно уже уничтожает всякую возможность». — «Я стал было говорить, что я могу оставить жену здесь...» — «А это противно моим правилам и притом я уверен, что вы женились по любви; вам будет хотеться увидаться с нею». Такой добрый человек, извинился, что беспокоил меня, и проч.. Вас. Петр. сидел до $7\frac{1}{2}$, едва я упросил дожждаться чаю, а то хотел уйти, между тем как самовар уже был на столе, потому что у него хотели быть Самбурские, а сахару нет, насили я удержал. Меня в голову так поразило, т.-е. не поразило, а так, это известие. Я не волновался ровно нисколько, ровно нисколько, но я смотрел на эту его поездку уже как на верную; думал, что он теперь пойдет по новой дороге, а вместе и мои обстоятельства выйдут из этого ложного положения, в котором они теперь... Да, штука плоха. — Мы играли в карты, пока Ив. Гр. был в бане. Теперь 11 час., ложусь, допишу завтра.

(Писано в пятницу, у Фрейтага на лекции.) — Когда уже сидел Вас. Петр., и тогда, но особенно, когда он ушел, а я лег в зале на диван читать «Дердй Гиржа»¹²⁰, повесть, написанную с большим смыслом, чем я думал («Пантеон», № 1, 1848 г.), то стала мелькать мысль, как теперь будет Вас. Петр., и тотчас, конечно, явился: должен писать в журналах — как это сделать? — Мне показалось, что его должно ободрить к этому, если можно, своим примером, возбудить его решительность, показать ему дорогу и завязать связи, которыми мог бы он воспользоваться во всяком случае, последует ли он моему примеру или нет; должно достать для него денег тем, что сам начну писать; попробовать попасть в журнал, и как в «Отеч. записки» после двух неудач совестно, то обратиться на пробу к «Современнику». Что писать? Конечно, быть какую-нибудь — и скорее всего, — вздумалось почти в то же самое время, — историю Жозефины, которую рассказывал мне Петр Иванович Швецов, — я и стал думать; но вздумалось, что ведь собственно эта история имеет для меня достоинство и интерес как доказательство того, что должно воспитывать детей не так, как теперь, а объяснить им все, все опасности и, напр., говорить об онанизме, и о мужеложестве, и о разврате, и о венерической бо-

лезни, и о пьянстве, и о картах и проч. и проч., и все это самому показывать им в истинном свете, показывать средства избегать этих вещей, пагубность некоторых из них, настоящую роль в жизни, какую должны занимать другие из них, напр., соединение с женщинами, любовь, карты, вино, — потому что смешно требовать от своего воспитанника, — сына или кого другого, — чтобы он воздерживался от этих вещей, от которых воздерживается разве один из тысячи, и смешно надеяться удержать его от этого, одним словом, что это доказательство всей пагубности настоящего образа воспитания; должно говорить детям все, должно быть товарищами во всей их жизни, должно быть с ними на такой же ноге, как товарищи их по летам, чтобы не было у них ничего от нас тайного, и чтобы не было и причин ничего скрывать от нас. Так вот, собственно, эта повесть приобретает свое значение только оттого, что она истинна, а если должно будет писать как повесть, должно будет очерчивать характеры, из которых многие не очерчены в самом рассказе Петра Ивановича, — таким образом характер судебным образом засвидетельствованного дела она потеряет, а характер истины поэтической, не знаю еще, успею ли я придать ей, — так собственно это только важно для меня, как пример в доказательство общего начала, которое я хотел бы доказать, — так и буду писать статью ученую или именно не повесть, а рассуждение. Так я и решил и через несколько времени, около 9 час., после некоторых сомнений — писать или нет, — потому что сомневаюсь в успехе, — начал писать и написал предисловие, $\frac{1}{3}$ страницы одной почти взяв из Гизо; это предисловие: «Вот что говорит Гизо, вот что должен сказать и я», и мне кажется, что теплота, которая у Гизо есть, и у меня сохранилась.

14-го [января]. — Когда лег, стал читать Гизо «о заговорах» и с тем, что прочитал ныне утром, около 60 стран.; чрезвычайно хорошо; главным образом мне нравится чрезвычайно логическое развитие фактов в их общем виде и ходе — «сначала то, после то, то, то — и вот конец» — чрезвычайно хорошо. И кроме того, великое знание человеческого сердца в том отношении, что он хорошо видит истинные причины действия недовольства — опасение за себя, смещение своей опасности с опасностью общественной, одним словом, истинно глубоко анализирует сердце человеческое, все его illusions *, и поэтому допускает и то, что эти люди в этих действиях и словах, собственно говоря, sincère**, они как-то отчасти сами верят тому, что говорят, тем оправданиям и причинам, которые отвергают их противники; что он не останавливается на пустом: «негодяй, злонамеренный человек, лицемер»; конечно, и эти элементы входят в круг побуждений партий и людей, когда они действуют, но не они собственно главная причина действия.

* Иллюзии.

** Искренни.

Нынешний день чувствую еще, что не совершенно здоров я, и поэтому сам не знаю, как расположится день: может быть, посижу у Вас, Петр., но скорее пойду домой, потому что ведь Куторги не будет и поэтому время будет достаточно, чтоб отдохнуть от утренней ходьбы. Когда шел — ничего, а теперь снова нехорошо — усталость, хотя не болит в спине.

Изложу свои мнения о Франции. Людовик Наполеон мне кажется лучше, чем казался раньше, и не таким глупым, как раньше — обыкновенный человек и добросовестный или может быть несколько хитрый человек, и после этого в таком случае и настолько проникательный, что противится своему министерству во многих вещах, понимая, что оно им не решительно-то дорожит и хочет делать из него мост для перехода к своим, одни к Орлеанам, другие к Бурбонам. Одилон Барро решительно потерял мою всякую симпатию, потому что действует не совершенно открыто, потому что делает сам вещи гораздо хуже тех, против которых восставал сам за год и за два, и мне кажется, что если не у Ламартина или Ледрю Роллена будет в руках власть, то лучше уже была бы у Гизо, а не у Od. Barrot и особенно не у Тьера, которого я что-то не люблю. Ледрю Роллен до этого почти времени имел все мои симпатии, Ламартин тоже; первый — как глава партии и именно как олицетворение ее, второй — как личность благородная, незапятнанная ничем, высокая, великая в нравственном смысле. Мне не хотелось бы, чтоб Собрание расходилось скоро, потому что этого не хочет левая сторона, но мне кажется, что если и разойдется, то убытка большого не будет, и что в видах правой стороны было бы лучше сохранить настоящее Собрание, а распуская его, они ошибутся жестоко или в своих надеждах, или в успехе; во-первых, тогда, значит, все партии левой стороны снова соединятся, как до февраля, от Кавеньяка и Marrast до Proudhon через L. Rollin и L. Blanc, они все соединятся решительно, и тогда будет два случая: или все партии правой стороны также единодушно будут подавать голоса на выборах и овладеют снова деревнями и в таком случае они выберут такую палату, которую должно будет назвать *introuvable** (как в 1815 г.) и *impossible***, и тогда снова вспыхнет восстание, разгонят эту палату, и будет для правой стороны последняя горше первых, потому что уже власть не будет в руках Marrast, а в руках Ledru Rollin или шутя и Louis Blanc и надолго, если не навсегда, останется в руках этих партий. Это в случае, а) что на выборах будут единодушны, б) что при этом успеют склонить деревни на свою сторону (в чем я не решительно уверен, потому что Наполеон не через них выбран должно быть в деревнях, а собственно через свое имя), с) что деревни станут voter*** с таким же усердием и в таком же большом числе, как в декабре. Но скорее, что нет, что все эти условия не уда-

* Беспримерной

** Невозможной.

*** Голосовать.

дутся: правая сторона будет думать, что власть в ее руках, и явится тут множество партий непримиримых*, у которых у каждой будет свой список: легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, партия Гизо, партия Тьера, партия Od. Barrot; деревни не станут подавать голоса в таком множестве и вместо $7\frac{1}{2}$ явится votants*⁶ $5\frac{1}{2}$, — а более двух миллионов, можно надеяться, будут республиканцы (Кавеньяк — 1.200.000, L. Rollin 400.000 и проч.), и, наконец, деревни будут подавать голоса не единодушно, как в декабре, а будут орудиями всех партий, хотя может быть, что за правую сторону будут подавать более всего голосов и даже это вероятно, но главное — это единодушие республиканцев и разногласие, разнообразие списков* правой стороны, — и поэтому я думаю, что почти возможно, что Национальное Собрание, которое будет выбрано для замены настоящего Собрания, будет левее его, т.-е. что левая сторона будет сильнее, чем теперь, а если нет, так восстание¹²¹.

Просидевши у Устрялова, пошел домой (это писано 16-го, 8 [час.] вечера), где все лежал; погода была дурная довольно, тепло довольно, но ветер и снег; спина ничего особенного; вообще лихорадки мало чувствовал, но не знал, пойду или нет к Ворониным. Наконец, пошел, но оттуда нанял извозчика, шел все торгуясь и, дошедши до Большой Морской, успел нанять за 10 коп. сер. Получил письма утром. Это я в первый раз с долгого времени решился нанять извозчика, да и то собственно решился на этот расход потому, что уже положил себе, что, идя оттуда, зайду к Вольфу выпить чаю или ликеру, так уж все равно буду тратить деньги. Когда приехал оттуда, лег читать и уснул; в $9\frac{1}{2}$ пришел Ал. Фед., у которого я был утром вчерашним, и просидел до $10\frac{1}{2}$.

15 [января]. — К Фрейтагу не пошел, потому что ведь две лекции пустые в середине между ним и Срезневским, так в $10\frac{1}{2}$ к Вольфу, где просидел до $12\frac{1}{4}$; ничего не брал, читал газеты. Пошел в $12\frac{1}{4}$ в университет, между прочим пока в библиотеку; идя, дорогою вдруг вздумал зайти к Гауеру спросить «Démocratie en France» Guizot¹²²; нет — и хорошо. Пошел; на Неве попался Соколов, который сказал, что Срезневского не будет, и пошли вместе. Он толковал о политике и пошли вместе до Излера, где я оставил его, чтоб посмотреть, есть ли «Presse»; нет. Кажется, я пошел в бильярдную и смотрел с полчаса, до 1 час. 40 мин.; после, идя домой, вздумал зайти в Пассаж посмотреть «Presse», зашел — есть. Я спросил кофе и прочитал два отрывка Ламартина Confidences¹²³ — хорошо, — о том, как он ходил на rendez-vous*** с Лусу, и об итальянском мальчике (как-то с z начинается имя) — хорошо; кофе весьма хорош, весьма хорош и дают и сахару больше, и сливок, и только 15 коп. сер. Поэтому я вместо Излера туда буду ходить. Хорошо.

* Неразборчиво. Ред.

** Избирателей.

*** Свидание.

В 3^{1/2} воротился домой и провел время почти в разговорах с Любинькою до чаю; после к Вас. Петр., у которого взял № 1 «Современника», играли в карты. Я начинаю жалеть, что он соединился с Над. Ег.: он гораздо выше ее и не может быть, кажется, с нею счастлив, она слишком проста, слишком проста, решительно как будто ничего не понимает, и мне серьезно, положительно стало его жаль. Мы толковали с ним о свободной воле, весьма немного, и отвергали возможность человеку управлять обстоятельствами; говорили, что нелепость «человек с твердою волею» и проч. — у него основание было не знаю что, у меня главным образом его пример: всякий дурак и я скажет, что тверже его нельзя найти человека, а он говорит, что решительно не имеет никакой воли. И сам тоже я: Ал. Фед. недавно и Тушев, когда у меня были, сказали, что предполагали, что я человек с необыкновенно твердою волею. Говорили о величии России, и я сказал, что глупость, и как он тоже говорил, то мне стало совестно, что я слишком резко говорю об этом перед человеком, которого не должно castigate * за ослепление к русскому, и что собственно я не говорю, что русские дураки, а что ничего еще не сделали, и проч. Но это все я пишу так, а главное — Надежда Егоровна! Надежда Егоровна! Когда пришел, было 10 с ¹/₄ или ¹/₂. Лег. Когда читал до 4 или 5, прочитал всю «Жюли» и, признаюсь, некоторые места меня заинтересовали: человек с талантом, это видно, не говорит глупостей, многое занимательно из тех приключений, которые он рассказывает. Но что это? Более ничего, как сказка, т.-е. происшествия, т.-е. французский роман вроде Поля Феваля или, лучше, Дюма, где приключения, приключения и т. д., ни характеров, ничего, ничего. А все-таки прочитал все, не засыпая. «Жюли» ¹²⁶ лучше, чем я думал.

16 [января]. — Когда проснулся, уже подали чай. Чувствовал, что не выспался, но ровно ничего. Сел было писать для Никитенки, но только написал строк 20, как пришел Ал. Фед. и просидел до 3^{1/2}. Мне это было не неприятно, а напротив приятно, и я был разговорчив, хоть и не бешено разговорчив. Говорили о журналах, политике; я рассказывал ему отрывки из Ламартина, о политической экономии, и он хотел достать Rossi[†] и Garnier-Pagès, словарь политический. Первое есть у Колерова, он знает; второе, как мне кажется, есть или есть у них в библиотеке; если достанет — хорошо. После посидел, читал «Современник» и говорил с Ив. Гр. решительно симпатически до чаю. После чаю сел писать Никитенке, — ничего не писалось, поэтому я стал писать это. Вас. Петр. обещался быть, может быть, но не был.

(Писано 22-го в субботу, 9^{1/2} час.) — Так вот целую неделю не вел я своего журнала. Сам не знаю хорошенько, почему. Продолжаю теперь.

17 [января]. — У Ворониных учил вместо Константина, кото-

* Бичевать.

рый был болен, двух маленьких и только до 7 часов. Оттуда к Ал. Фед. за «Débats», которые взял [за] 1—9 января. Во всю эту неделю я почти каждый день бывал в кондитерских, обычно у Вольфа, раза два в Пассаже для «Presse» и «Признаний» Ламартина.

18 [января]. — Никитенки не было, и я почти этого ждал, поэтому не много заботился о сочинении, хотя несколько заботился. Встретился, идя к нему в аудиторию, с Троянским, который заговорил о Фаусте и попросил объяснить его себе. Я начал, и таким образом мы просидели всю лекцию. После он уж говорил, а не я, и о Дюма, которого находит удивительным. Показался весьма недалеким, но добрым и усердным. Просил быть знакомому и обещался принести Вронченку, перевод «Фауста», и принес на другой день.

19 [января]. — Мне сильно хотелось увидеть Вронченкин перевод, т.-е. изложение второй части, и в самом деле принес Троянский. Вечером я читал его. Был Ал. Фед. в воскресенье, и когда говорили, он сказал, что возьмет книги о политической экономии у Колерова и в своей библиотеке. Кажется, я просил словарь Гарнье Пажеса и Росси. Он взял Росси, и я взял у него Росси в среду.

20 [января]. — В университет не ходил, а вместо того к Вольфу и после обеда к Вас. Петр. отнести Вронченку ему. Не застал, а когда шел оттуда, на углу канала и больницы встретились они с Над. Ег., и он подошел ко мне. Я сначала, как шел по другую сторону улицы, не заметил, что он с Над. Ег. Отдал ему, он обещался быть в субботу. В среду я просил у Залемана Гете, хотя и не хотелось, потому что вдруг ужасно захотелось сличить вторую часть с Вронченкиным изложением и объяснениями. Но у Вас. Петр. еще не взял. Остальное время просидел дома так, в разговорах с Ив. Гр., и под конец вечера играл в карты до 12 ровно. Главным образом этот и следующие дни и предыдущие я ничего не делал, потому что в зале было холодно с самого вторника и сидеть там было нельзя. Теперь снова делается несколько сносно.

21 [января]. — Фрейтага не будет — он убирает Эрмитаж, и мы решили не быть у него ныне; поэтому я пойду только к Срезневскому, да и то уговаривал товарищей не ходить, но не согласились. От Ворониных, где снова начал с Константином, — к Вольфу, где с час просидел; оттуда к Ал. Фед. — отнес «Débats», взял «Современник». Там встретил новое лицо, Венедиктова, у которого Ал. Фед. уже выпросил несколько новых книг для меня — такой обязательный — напр., «Жирондистов». Росси читаю — умен, но не то, что Гизо, а так себе, не из первого класса умов, а из таких людей, которых всегда бывает по несколько, напр., хоть Тьер. — Вместо Фрейтага был у старшего Курторги, и в самом деле довольно хорош, человек умный, но от других не ушел много вперед, напр., от Фишера, или Устрялова, или Срезневского.

22 [января].— Ив. Гр. вчера принес Священную историю издания Плюшара. Я переворачивал несколько листов, и пришла охота углубиться, если бы было можно, в занятие этим предметом — да нет, теперь нельзя еще достать книг. Был Фриц и снял мерку для новых сапогов. Я сказал ему: «Нет денег», он говорит: «Хоть два месяца ждать, ничего». Подлец, зачем отдавал, когда эти деньги должен буду отнять от тех, которые бы следовало Вас. Петровичу. То утешает, что через два месяца уже, даст бог, он не будет в этом нуждаться, потому что у самого будет много денег.

Продолжение (26 числа, 11 час. 35 мин.).— К Фрейтагу условились мы не ходить, поэтому я пошел к Срезневскому. Идя отсюда, заходил к Вольфу и в Пассаж, читать «Presse». Когда шел оттуда, у библиотеки догнал меня (было 5^{1/2} час.) Райковский и спросил (мы пошли по тротуару к Аничковскому двору), знаю ли я по-английски; я сказал: «скверно». — «Так у меня есть что переводить, а отдавать другому, а не товарищу, мне не хотелось бы». — «Я весьма рад». — «Приходите ко мне». — «Когда?» — «В четверг или пятницу». — «Хорошо». В четверг вечером был Вас. Петр. и после пришел Ал. Фед., с которым я толковал — большею частью говорил я — и с Вас. Петр., который принес Вронченку, защищая Гете и вторую часть «Фауста» от Вронченки, а когда пришел Ал. Фед., защищая Иринарха от Горизонтова. Было после, когда ушел Вас. Петр., немного совестно, что говорил: во-первых, он в это время скучал, а, во-вторых, конечно, я говорил глупо и потерял у него во мнении, т.е. еще подтвердил его прежнее мнение обо мне. У Вас. Петр. обещался быть (тогда была суббота) в среду, т.е. 26-го.

23 [января].— Решился приготовить несколько на всякий случай для Райковского по-английски, потому что, хоть вероятнее, что это неудача будет, что это т.е. мечты с его стороны, дело у него, верно, еще у меня не обделано, но все-таки на всякий случай, и поэтому большую часть дня читал Эджворта со словарем, прочитал всего страниц 20, приискивая всякое слово, даже не нужное; в понедельник прочитал более, а во вторник всего до 80-й страницы, после уже не приискивал слов, потому что не так стало нужно, и вышло — я более способен быть тотчас переводчиком, чем думал, и что почти могу добросовестно переводить. Вечером был Михаил Павлович, приехал с обеда на именинах у тестя, почти пьяный, и его стало тошнить и рвать — это мне было отчасти приятно, потому что мне не мешали, а между тем отнимает прежнюю возможность мне конфузиться своими гостями перед Ив. Гр-чем. В то самое время, как его рвало, пришел Серапион Благовосветлов, — конечно, решительно не во-время, хорошо, что не долго сидел. Теперь 11 ч. 50 м. и ложусь спать. Это писал, когда стали постель. Теперь постлали. *Продолжение после.*

Продолжение. 24-го [января], 3^{1/2}, понедельник.— Утром рано в 8^{1/2} отправился к Ал. Фед. за деньгами, которые взял он у

[меня] в субботу, чтоб получить несколько из них, для Любиньки, у которой решительно не было и которая говорила уже в воскресенье, что их решительно у нее нет. Посидел у него и не хотелось самому напоминать, чтоб он дал несколько сдачи из 10 р. сер., которые взял, но пошел, он все не догадывался, и я воротился, как бы вспомнив вдруг, и взял 5 р. сер. — итак, употребил хитрость. Из университета прямо домой, после к Ворониным. Читал «Débats», которые взял у Ал. Фед. утром, но более английскую книжку.

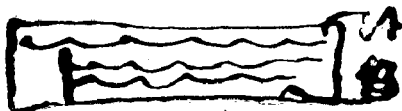
25 [января], вторник. — Все думал, что Никитенке написал я гадко и бессвязно, но когда утром прочитал и сделал маленькую вставку, которую написал на особом лоскуте, о том, что в самом деле прежде так думали, что дух состоит из частей решительно независимых, то показалось хорошо. Начал читать. Никитенко, как пришел, сказал: «Кто хочет давать уроки? Случаи бывают, что ко мне адресуются, так на всякий случай». Я сказал, что верно все готовы, — от нас буду я, Корелкин, Главинский только да Трояновский, да еще один чужой, итак, только 5 человек. Он сказал — «адреса дайте». Главинский сказал, что даст, и тотчас после лекции дал, а я нет и поэтому ругал себя, но весьма мало, как бы знал, что ничего еще не испорчено. В самом деле, как вышел из университета, пришла мысль, что можно дать еще адрес и в среду, и в самом деле дал после лекции. Итак, я стал читать. Никитенко заговорил о том, что в самом деле так делили душу, и начал говорить о мнемонике, о способе Жакото, который должно бы официально исследовать, о том, что теперь поручено ему составление программ или инструкций для преподавания словесности в гимназиях и проч., говорил, говорил так, что почти всю лекцию проговорил сам, и только сначала я прочитал полстраницы; это-то мне ничего, весьма приятно, что я не читал, т.-е. не то, что приятно, а все равно, в следующий раз прочитаю лучше, поправивши, да и работа отлагается все впредь, это хорошо; но и какое-то сомнение в голове, что, может быть, он говорил для того, чтобы избежать моего чтения, которое показалось глупо и скучно, надеясь, что в следующий раз будет что-нибудь другое. Итак, это сомнение отчасти и неприятно. Из университета — к Вольфу; сомневался, можно ли тратить деньги или нет, чтоб не замедлить взносом в университет, как отдаст Ал. Фед., но подумал, что к тому времени получу от Ворониных и, может быть, из дому, и велел дать шоколаду, потому что пили тут его другие.

В 6^{3/4} пошел к Ханыкову, как был и намерен, хотя отчасти колебался, не лучше ли заниматься по-английски (у Вольфа в этот раз и предыдущий читал «Иллюстрацию» английскую¹²⁵ и Galig-nani Messenger¹²⁶ и все равно понимал, это мне придало бодрости). Просидел у него до 11 почти и взял 8-ю часть Гегеля, Rechtsphilosophie, что меня несколько волновало, но только голове, а не сердце, от радости и размышления, что-то вычитаю я там у него; он дал для того, чтобы из моих рассказов ознако-

миться с Гегелем, и просил меня сделать для него выписку оттуда. Я сказал о том, что напрасно он думает, что трудно учиться по-немецки, предлагал свою методику — беглое чтение, по возможности без лексикона (мой конек) и проч. и проч., защищал Гегеля. Пришел, немного читал Гегеля, но скоро уснул.

26 [января]. — Из университета снова к Вольфу, где просидел не много. Дома читал, однако мало весьма, Гегеля и мало понимал, отчасти и язык, а главное — смысл и почему это так. Прочитал около 30 страниц. После к Вас. Петр., у которого просидел с 7^{3/4} до 11 решительно без скуки, напротив, с удовольствием, правда тихим, не резким, но тем не менее с удовольствием, чего довольно долго не было. У Над. Ег. в лице прямо как-то есть что-то слишком безрезкостное, как-то гладкое, не развитое, но удалось со вниманием посмотреть в профиль, и я снова начал смотреть с некоторого рода прежним удовольствием, хотя, конечно, слабым в сравнении с прежним — черты в самом деле тонкие и чрезвычайно красивые, грациозные. Что мне не нравится, так это лоб, который как-то слишком изогнут, слишком круг в средней части, но это так кажется от прически, которая не идет к этому лбу, и мне подумалось, нельзя ли как-нибудь сделать, чтоб она стала носить другую прическу. С Вас. Петр. толковал обо всем, кроме политики, о которой ни слова, — более об унии и обращении униатов; оба обременились позором поведения нашего правительства в этом случае. Он говорит — читал недавно «Бориса Годунова» Пушкина и решительно не так теперь думает о нем, как раньше, — это чистая риторика, а не что-нибудь существенно хорошее — пустая вещь, говорит: уж «Руслан и Людмила» лучше. Это почти так, как я думал, хотя не читал этого произведения. Обещался придти в 4 часа, чтобы после вместе идти к Залеману; я думал идти тотчас с ним в Пассаж в кондитерскую, но теперь кажется, что Ив. Гр. не будет, поэтому мне сиделось и дома.

27 [января], четверг. — В университет не ходил совершенно. Читал Гегеля — я тороплюсь читать его, чтоб побывать у Ханькова поскорее, потому что обещался; прочитал до 105-й стр., до II Abtheil, Vertrag. Гениальности не вижу, потому что строгости выводов не вижу еще, а мысли большею частью не резкие, а умеренные, не дышат нововведениями, поэтому я не могу видеть в них ничего особенного, пока не увижу, что они непоколебимо выведены и связаны между собою и со всем целым. Что человек умный — это видно, боюсь, что придется мне краснеть за это после, но все равно пишу. Однако, об этом после когда-нибудь — дело в том, [что] не решительно все понимаю, хотя большею частью то, что напечатано, отступая от начала строк так —

(В), т.-е. объяснения и примечания, большею частью понятны — да я не решительно еще приготовлен к этому чтению, — где он говорит о частных применениях, т.-е. в этих короткими строками напечатанных прибавлениях и проч. и *Zusätze* *, там кажется более занимательности. — Что это такое? практичность ума или еще незрелость, то, что не могу еще свободно жить в этих общих областях решительно неприменного, абсолютного, и нужны приложения?

Теперь пришел Терсинский и начинаю читать «*Débats*», дожидаясь Вас. Петр., который, думаю, придет слишком поздно, т.-е. позже, чем желал бы я. Теперь 4 ч. 5 м.

(Писано у Фрейтага.) — Вас. Петр. пришел в 5 или $5\frac{3}{4}$ и присел до 8, потому что должен был подождать чаю, хотя хотел уйти раньше. Поэтому уж у Райковского не был я; существенно это произошло оттого, что и раньше уж сомневался, не пойти ли лучше завтра, т.-е. ныне от Ворониных по дороге; так и сделалось, что решился так идти. Он был у Сидонского, но не мог ничего сказать, потому что у него сидел кто-то, и поэтому будет в субботу. А теперь зашел от Залемана; семейством их он весьма был доволен, особенно матерью. Я, как вздумал за несколько дней, спросил его, будет ли держать он теперь экзамен, чтобы напомнить ему об этом, и он сказал, что нет, т.-е. решительно бросил об этом думать, — теперь, может быть, что в самом деле он снова начнет думать об этом и будет держать, если до того времени ничего не случится. Он сказал, что решительно предоставляет себя на волю судьбы, и выразил это так решительно, что даже мне, который решительно то же делаю с собою и держусь этого мнения относительно участи других, что не они, а обстоятельства управляют всегда, но все-таки даже и мне показалось это как-то уж слишком *laissez passer* ** — самооставлением, самопокиданием, почти отчаянием. Сказал еще на мой вопрос, о чем он теперь думает, что и теперь ни о чем, да и обыкновенно ни о чем не думает, когда с людьми, напр., когда с Над. Ег. сидит — обыкновенно ни о чем. Это высказал так снова выразительно, что я решительно в этом убедился, — снова повторил, что никак не может привыкнуть к своему новому положению, к Над. Ег. и проч., что тесть решительно сердится, что никогда не бывает у него, и хочет не велеть ей бывать у него, если Вас. Петр. не побывает. Я уговаривал, чтобы побывал, но он не согласился, говорил, что ждет письма от своих, имеет предчувствие, что получит это письмо, и что до этого времени предчувствия эти его не обманывали. — И провел я это время с ним с удовольствием.

28 [января]. — Всего теперь прочитал я до 2-го отдела у Гегеля, до *Moralität* ***. Особенного ничего не вижу, т.-е. что в подробностях везде, мне кажется, он раб настоящего положения вещей, настоящего устройства общества, так что даже не решается

* Дополнения.

** Предоставить ходу вещей.

*** Мораль.

отвергать смертной казни и проч.; так или выводы его робки, или в самом деле общее начало как-то плохо объясняет нам, что и как должно быть вместо того, что теперь есть — ведь Фихте пришел же к обоготворению настоящего порядка вещей, — но несколько, однако, мало, замечаю логическую силу; главное то, что его характер, т.-е. самого Гегеля, не знает этой философии — удаление от бурных преобразований, от мечтательных дум об усовершенствованиях, *die zarte Schonung des Bestehenden* *.

Ныне Куторги не будет, поэтому пойду домой, оттуда к Ворониным, оттуда к Райковскому. — Что-то будет у него? Не жду я приятного ответа; думаю, что то, что он говорил, более от надежды получить самый перевод, чем от того, что уже получил, — но все-таки.

Напишу что-нибудь о тех идеях, которые пришли мне в голову. Напр., что история разлагается на повествование о действиях, происшествиях и состояниях, положениях народа и известных классов, — что до этого времени, кажется, не было достаточно ясно сознаваемо, хотя отчасти уже есть в исторических трудах, но недостаточно постоянно и хорошо проведено в практике (в теории не делают хорошо и ясно этого различия) относительно состояний, положений жизни, а между тем, эти части равно обе существенны, и если уж которая из [них] важнее, то, конечно, состояния; итак, дело истории всегда связывать между собой эти две части и показывать, как из состояния рождались стремления и действия, как действия и события вели народ или часть его от одного состояния и положения в другое (вот сижу и думаю, что еще мне вздумалось, а две или три мысли были, которые имеют для моего развития и взгляда некоторую важность).

В эти дни, как прочитал Губера перевод, большею частью все пел: «Как негодница мать убила меня, как отец, старый плут, съел родное дитя, как малютка сестра кости в яму снесла и как стала потом вольной пташечкой я. Взвейся, пташка моя!»¹²⁷ — Пел также, но гораздо раньше оставил и менее пел, песню под липой, особенно последний куплет: «Нельзя нам, бедным, верить вам, вы часто так клялись нам, а все-таки смеялись. Но он ей шепчет на ушко и из-под липы далеко — юхге, юхге, юхгейза, гейза, ге — все крики раздавались». — И мне казалось, что для этой песни голос мой лучше, чем для другой.

(11½ утра, воскресенье 30-го.) — Из университета, т.-е. от Устрялова (на лекции у Фрейтага услышал, что попечителя [назначают] сенатором в Москву, вместо него Кочубей, что, конечно, меня весьма обрадовало, но живой радости нисколько не почувствовал от этого) домой, где читал Гегеля. — От Ворониных к Райковскому, его не было дома, поэтому в Пассаж.

Да, из университета пошел к Вольфу; там известия от 26—29 января привели меня в такой восторг, в каком я давно не бывал

* Нежное снисхождение к существующему.

и какой можно сравнить с тем, с каким я читал Люксембургские рассуждения. Итак, думал я, или падение министерства, или новая революция — последнее мне больше нравилось, потому что власть, думал я, перейдет к Ледрю Роллену, это было бы чудесно¹²⁸; и в таком радостном расположении духа пробыл я и у Ворониных. В Пассаже, прочитавши, что все утихло, охладел снова, но и теперь снова заинтересован много, все равно как в начале ноября борением Прусского Собрания с министерством.

В Пассаже выпил кофе (во второй раз) и оттуда пошел к Ал. Фед., у которого просидел не решительно без скуки, но ничего, до 12 час. Главным образом просидел потому, что хотелось отплатить ему за то, что он старается так доставать мне книги, напр., теперь достал Альманах *démocrat. et social* от Венедиктова, которого я у него видел; здесь я увидел в первый раз портрет Жорж-Занда — мне чрезвычайно понравилось лицо, хотя, может быть, оттого, что я уже расположен дивиться хорошим людям. В этот вечер, идя домой, и в субботу утром до 10 прочитал всю эту книжку. Кроме статьи Ламне *Question du travail* ничего нет решительно хорошего, кроме, разве, последних страниц, которые — выписка из Прудона.

29 [января]. — У Фрейтага не был; прочитавши книжку, вздумал срисовать сквозь прозрачную бумагу портреты, которые в ней, и довольно порядочно (т.-е. гадко) вышел Фурье, Барбес скверно, я и бросил; на другой день снова рисовал, но Фурье вышел, может быть, хуже, а Ж. Занд совершенно не вышла, поэтому снова оставил; жаль бумаги, а то занялся бы, это помогло бы мне выучиться рисовать, может быть, — верно займусь, только не теперь, а когда будет время. Идя из университета вместе с Славинским, зашел в Пассаж — там Вас. Петр. Славинский пошел к булочнице, я с Вас. Петр. в кондитерскую, посидели до 4^{1/2}, когда ему [было] нужно к Сидонскому. Сидонский, как после он сказал мне, сказал — «подумаем» (насчет работы). Уговорились, что он оттуда ко мне, и зашел в 5 час., просидел до 7^{2/3}, и под конец я-таки прочитал ему об эгоизме Гете, почти все, кроме истории с Лили, которую мне было совестно читать, чтоб не показаться сентиментальным, поэтому два последние листика, т.-е. один только последний, да и то не весь, а о подражателе Тьеру, т.-е. Иване Вас. и великих людях, что они негодны — последнее уж я сам начал читать, когда уж собрался к Залеману. Мне было, конечно, совестно читать, но ничего все-таки, ведь последнюю статью сам вызвался прочитать. У Залемана все время мы играли в шахматы с Владимиром, и когда пришла мать, которой не было дома, Вас. Петр. ушел с нею. Я играл гораздо лучше Залемана, т.-е. он ничего почти не может сообразить — оказывается туповат, хотя я убедился, что и я играю еще хуже, чем я думал, потому что ровно ничего не вижу, что готовится мне и что я должен делать. Взял у него по его предложению книгу Петрова о шахматах, дома увидел, что это только одна практика, т.-е. три последние части, а теории,

которая больше принесла бы пользы, т.-е. первых двух частей, нет. Все-таки, как пришел домой, разыграл одну игру, и ныне утром некоторые задачи. Проводил оттуда Вас. Петр. до Самбурских, дорожною говорили о различных вещах.

30 [января] (писано в четверг, 3 февраля), воскресенье. — Хотел зайти Вас. Петр. после обеда. Весь день просидел дома; читал Гегеля немного, немного Росси вторую часть, писал для Никитенки. Приходил во время обеда Ал. Фед., взял «Débats». Вас. Петр. не был, я у него хотел быть в среду.

31-го [января], понедельник. — Утром к Вольфу, из университета домой, от Ворониных к Райковскому (второй раз), снова не застал; оттуда в Пассаж, где 2 февраля «Presse», окончание истории Грациаллы меня необыкновенно тронуло: я плакал, когда читал, и превосходны они оба, Ламартин и она, и как он оканчивает: «простите меня и вы, которые читаете это». Оттуда к Олиम्пу, у которого Булбенковы, и скоро все ушли. Когда пришел домой, был измучен немного.

1 февраля. — Видел Фурсова, который едет через неделю, 6-го или 7-го, в понедельник. Михайлов, говорит он, придет в феврале, если придет Якоби, управляющий Соляным отделением. У Никитенки читал, и он согласился со мною более, чем я думал. Корелкину золотая медаль, и сочинение будет напечатано университетом или в Записках Академии нашей — весьма хорошо. Сущесственного сожаления, т.-е. в сердце, решительно не было, что я не писал, и зависти нет; в голове, конечно, думается: «Если б я, я б еще лучше». Иду пить чай.

(Продолжаю у Фрейтага в пятницу, 4 февр.) — Вечером не помню уже теперь, что делал, — верно ждал Вас. Петр., который обещался зайти, когда пойдет к Залеману, но не мог идти, потому что нога, на которой он неловко подрезал мозоли и от которой он хромотал в субботу, распухла (см. после под 3 февраля — я был у Ханькова.)

2-го [февраля] был праздник. После чаю пошел к Ал. Фед. за «Débats» и деньгами, просидел вместе с ним до 11, потому что ждал, чтоб он одевался. Денег у него еще не было мелких, поэтому хотел в этот или следующий день отдать. После, оттуда к Вольфу, у которого выпил кофе, просидел до 3 или больше, читал все газеты, но и снова взял 1 № «Отеч. записок», потому что 2-го еще не было, как я и думал. Прочитал «Негрицию» Ковалевского¹²⁹ — весьма понравился он за то, что так говорит о неграх, что они ровно ничем не хуже нас, с этим я от души согласен: когда говорят противное, мне всегда кажется, что это такой же вздор, как слова Аристотеля, что народы на север от Греции самим климатом и своею расою осуждены на рабство и варварство, — и первую часть («Гордость») Э. Сю¹³⁰. Мысль-то, если угодно, прекрасная для романа, но преувеличения и мелодраматические сцены, как всегда у него. Оттуда в Пассаж, где прочитал следующую за «Грациаллою» статью Ламартина, но там не так

занимательно, только о нашествии с Эльбы Наполеона, а после смотрел «Journal pour rire» ¹³¹ 3 целых номера, довольно мало понравилось, однако ничего — отделка обыкновенно весьма хороша в больших политипажах, но есть такие вещи, где почти нет ровно нисколько остроумия. Только что пришел домой и кончил обед в почти 6 час., как пришел Корелкин и просидел до 9, но последний час только потому, что я его удерживал *per fas et nefas**. Я был довольно весел, читал стихи Лермонтова и особенно Гете из «Фауста»; потом начал ему говорить правила демократов о *émancipation de la femme***; стал говорить о *meretricibus****, что они ничем не хуже нас, и этот разговор довел его до того, что он с угрызением совести стал вспоминать и говорить мне, как он бывал в доме на Гороховой; после раскаяние отчасти прошло, и он стал говорить так, что там три их и оно как бы Вологодское подворье, как выразился я. Так он вкусил заперщенного плода. Итак, я не был у Вас. Петр.

3 [февраля]. — В университет не пошел. Писал отчасти Фрейтагу, отчасти читал «Débats» и Гегеля — теперь прочитал до «гражданское общество, система потребностей». Пообедали рано, в 3¼ пошел к Вас. Петр., чтобы воротиться домой в 6, потому что думал, что придет Ал. Фед. — Над. Ег. уходила к Самбурским, поэтому Вас. Петр. почти сам предложил идти к Ив. Вас., от него к нам, от нас к Залеману; я сказал, что пойду к Залеману, если придет и уйдет до того времени Ал. Фед. Пришли к Ив. Вас., я с ним стал играть, шутить, смеяться; пришел Майер, который живет с ним и учит его по-французски, — хуже, чем я думал, просто глуп и надут, вроде Туфы, только, может быть, тертый калач. К нам Ал. Фед. не приходил, и поэтому я не пошел, а поэтому и Вас. Петр., тем более, что не взял с собою «Современника». Говорил почти все я, кроме того, что играл в шашки, и говорил все я о Февральской революции и положении партий теперь и чего теперь должно ждать. Вас. Петр. сказал, что его это сильно интересует и что если у него будут вдруг «Débats» и «Современник», то он раньше взял бы «Débats»; поэтому я вздумал передавать их ему и, как увижусь с Ал. Фед., спрошу у него позволения на это. Читал у него письмо, которое написал он к редактору «Сына отечества» от лица трех дворовых людей. Сначала довольно остроумная мысль, что «хотя мы и считаем вас дураком, а благодарим вас, потому что через вас мы выучились читать: хорошие книги господа берегут в своих комнатах, а ваш журнал, который выписывают больше для приличия или хвастовства, лежит всегда в передней, вот мы по нему и выучились читать». — После неостроумно, потому что писано решительно без обдуманности. Так я ему все говорил о революции и о хилости нашего правительства, — мнение, которого зародыш положил Ханыков, и

* Всеми правдами и неправдами.

** Об эмансипации женщины.

*** Проститутках

проч. в этом роде. Когда ушел он в 10, я немного пописал Фрейтагу, после — спать.

4 [февраля]. — Теперь утром просмотрел написанное Фрейтагу почти все, остальное здесь в университете перед этим просмотрел; после это [т.-е. дневник] стал писать. Ныне из университета зайду к Вольфу на полчаса (да, этот vote*, что отверг ordre du jour sur l'enquête contre le ministère**, наполнил меня радостью и теперь должно узнать, какой ordre du jour motivé*** принят).

(Писано у Фрейтага в субботу 5-го.) — В университете Вас. Петр. не было. Пошел к Вольфу, где почти до 3-х. Amendement**** de Louis Perrée не принят, а Oudinot, и столкновение избегнуто, но 6 числа о Râteau общая discussion. 7-го должны перейти к параграфам — бог знает, будет ли принято. — От Ворониных, где всего до 7, потому что Константину было куда-то нужно (да, еще гувернер бранил его передо мною и рвал за ухо, что не умел переложить на ассигнации 18 р. сер., и сказал, что fort zustreiten***** не годится, потому что он позабывает, что назади; что меня не слишком, правда, но все-таки взбесило), пошел к Райковскому, у которого почти до 9, потому что, конечно, не был, только адрес оставил. Оттуда идя, заходил к Fleischhauer, который в Чернышевском переулке, за чернилами. Вышла девушка довольно красивая, в немецком роде, и стала говорить по-немецки, я не отвечал по-немецки, чернил не было готовых. Когда пришел, стал писать Фрейтагу и до 11^{1/2} в этом прошло, все-таки просмотрел все и переписал; итак, на сочинение было употреблено часов пять.

5 [февраля]. — Проснулся в 7, потому что боялся проспять. Сердце несколько не волновалось, когда подавал Фрейтагу; он заметил несколько в самом деле нечистот и, когда отдавал, ничего не сказал. Вчера получил, когда пришел, письмо, которое оставил Ал. Фед., и в нем 16 р. сер.; итак, отдаю ныне деньги в университет. Получил повестку от своих на 40 р. сер. — Конечно, что мне — все отдам Вас. Петр., потому что у меня и так остается 3 р. 75 к. сер. — Итак, с лекций в почтамт, оттуда, если придет Вас. Петр. (верно не придет), в университет, к Корелкину, если нет, к Вольфу верно пойду (нет, прямо в библиотеку, потому что там еще ничего нового нет, конечно). После обеда — к Вас. Петр., если не увижусь с ним до обеда, потому что обещался, да и кроме того верно буду в состоянии отдать несколько. Хотел бы что-нибудь ныне и завтра написать «о воспитании»; не знаю, напишу ли что-нибудь, а как напишу, хочу отослать в «Современник».

В Берлине выборы демократические — это хорошо. Что-то будет? Что-то будет? Жаль, что Франкфурт так ослаб, — бог знает, не виноваты ли в этом отчасти сами они, как говорят справедливо,

* Голосование.

** Порядок дня о расследовании против министерства.

*** Мотивированный порядок дня.

**** Поправка.

***** Идти вперед.

кажется, — Bassermann и другие, которым помешали действовать решительно по случаю смерти R. Blum'a и смятий в начале ноября в Берлине. Кажется, если бы вступились решительно за Национальное Собрание и проч. и послал бы слева, а не справа послов в Вену, людей решительных и смелых, хотя не дерзких и не заносчивых, потребовали бы тотчас отдачи под суд Виндишгреца и Бранденбурга и проч., то уже было бы одно что-нибудь — или да, или нет, и как теперь вышло, может, нет, то хуже теперешнего не могло выйти, а едва ли посмели бы отвечать — нет. (Писано во вторник 8, в 8^{3/4}.) — В субботу пришел от Вольфа весьма усталый, так что весь вечер проспал и у Вас. Петр. не был.

6 [февраля], воскресенье. — Ушел к Вольфу довольно рано и просидел 7 часов сряду, от 10^{1/2} до 5^{1/2}. Читал все «Отеч. записки», но и остальное тоже. В «Отеч. записках» повести довольно хороши, так что это меня несколько утешило, но особенного ничего, нигде ничего особенного; в «Записках» Шатобриана тоже ничего нет особенного, но везде чрезвычайное чувство и видно, что великий человек. Вечером был у Вас. Петр., толковал все о революции у нас и проч., и проч., как и раньше; он любит заводить об этом речь, но раньше я не сочувствовал, а теперь не прочь и я. Мнение его о государе, кажется, переменялось к худшему, во всяком случае, я думаю, что и он, как я, считает его чем-то вроде Пушкина^{131а}. Просидел до 10^{1/2}.

7 [февраля]. — Обед пробыл у Вольфа и все-таки мало изнурился; в воскресенье и теперь выпил по чашке кофе. Любинька взяла 3 р. и, кажется не отдаст, потому что забыла. Когда пришел, играл в шахматы, и проч.

8 февраля. — Утром читал и играл в шахматы, читал Росси, почти дочитал, Гегеля совершенно дочитал, особенного ничего не нашел. Еще акт, опишу после.

(Писано 10-го, четверг, 10 ч. вечера.) — Пришел на акт, когда Плетнев уже начал читать; начало необыкновенно глупо, необыкновенно глупо. Срезневский стал читать также хуже, чем думал я; подошел Ал. Фед., мы стали говорить с ним, как раньше с Мельниковым также говорил я и проч., и не слушал Срезневского. Хорошо, начинают читать и раздавать медали. Я был весьма весел, и когда Корелкин получил, поздравил его от души решительно. Конечно, живой радости не чувствовал, а собственно радовался как делу постороннему, не моему, не то, что если бы, напр., Вас. Петровичу что-нибудь; и зная, как приятно, как видишь участие в своей радости, даже поцеловал Корелкина в висок. Сочинение печатает на казенный счет университет. После акта я ушел искать Раева, между тем как он здесь оставался, и не видал того, как Корелкин был представлен министру, который, как нарочно, приехал в ту самую минуту, когда начал Куторга старший читать о медалях. После Раев сказал, что ужасно хвалил, сказал, что должно поддержать, и проч. Это хорошо, дай бог. Не скрою и того, что мне несколько больно, что может быть теперь он будет счи-

таться в университете первым человеком в нашем факультете, а не я. Но эта мысль у меня слаба, потому что слышал лестные отзывы о себе: во-первых, когда шел через коридор, Алексей Иванович, который встретился, сказал: «На следующий год уже вы получите». Это меня обрадовало несколько, что обо мне такого мнения. А сошел вниз — там встретил морского офицера, который бывал раньше у Куторги. Он тоже сказал тотчас же, как увидел я его и подал ему руку: «А я ожидал услышать ваше имя». — Это меня также обрадовало, я поблагодарил его. После то же сказал Троянский. Славинский стыдил меня, что я не писал, и на другой день в университете несколько человек из нашего курса мне это говорили. Я с интересом слушал, какие-то задачи на следующий год: Куторга, о Клеоне, — тотчас у меня мысль огромного, полного сочинения, и проч., и проч. Для этого должно заняться греческим и проч. раньше, и как пришел, едва тотчас же не принялся за Фукидида, но тотчас вспомнил о своей методе, что должно читать, если можно, с переводом книгу, чтоб выучиться языку, и тотчас решил взять у Залемана, а до того времени отложить. Это меня обрадовало, что о Клеоне, т.-е. что по истории хотя лучше бы, если бы не из Афин, которые надоели мне; но решительно ничего, все-таки. Да кроме того и у юристов: «О налогах на промышленность до Петра» — мысль написать и то, и другое. Тотчас другая мысль — сначала одно, свое, после — если будет время — непременно и за то, только летописи и акты Архивной Комиссии и проч. — немного дела, менее чем о Клеоне. Это было бы тоже хорошо в своем роде: одному вдруг получить две медали. Оттуда к Вольфу, где читал случайно «Современник», потому что он лежал на конторке, и я взял его. Читал только Смесь — французскую повесть «Кризис» (что женщина хочет испытать бурную жизнь и проч.)¹³²; мне понравилась, потому что я проникнут этою мыслью. Оттуда когда пришел, пришел Сокольский Петр Максимович из Саратова, который был и раньше, у которого был раньше и Ив. Гр., пришел и Ал. Фед. скоро, и я вышел. Когда я вышел, скоро дело приняло новый вид по причине того *, что у Ив. Гр. вырвалось слово о том, что образованный поляк, с которым служит он, толковал ему о праве на собственность (французский вопрос, коммунизм), и что глупо говорить об этом в собраниях. Я-таки не удержался и пошел говорить, хотя думал, что Ив. Гр. слушает с нетерпением, и говорил больше часу, — по моему мнению, хорошо, только увлекся и представил дело одностороннее, но вообще говорил о том, что не должно смеяться над теми, которые проповедуют новые мысли, потому только, что они увлекаются и проч., что смеяться легко и пр. Ал. Фед. поддакивал, Ив. Гр. говорил свои сомнения. Ныне за обедом спросил моего объяснения, т.-е. предложил возражение, которое пришло ему в голову, — следовательно, он не решительно не слушал, т.-е. слушал решительно

* Неразборчиво. Ред.

со вниманием, а не нехотя и, следовательно, проповедывание и в такой душе, как его, которая кажется мне по своей щепетильности, самонадеянности и мягкому, повидимому, деспотизму, т.-е. Stockheit *, всего менее способна проникаться новыми мыслями, особенно сколько-нибудь противными прежним убеждениям, потому что он мнения более всякого другого будет держаться до последней крайности, — и в таком человеке проповедывание оставляет некоторые следы, и поэтому не должно безусловно молчать из опасения даром, без всякой пользы показаться смешным.

9 [февраля], среда. — От Ворониных в университет, оттуда в Пассаж, до которого шел вместе с Славинским. В «Presse» нет Шатобриана. Оттуда домой, купивши чернил у Флейшгауера, снова где прежде, в Малой Садовой. (Отдал в университете 20 коп. сер. швейцару за письмо из Аткарска и получил билет, который отдал Марье, чтоб отдала дворнику.) В 4¼ к Вас. Петр., у которого застал Ив. Вас., который, однако, скоро ушел; мы остались и толковали с Вас. Петр., пока [не] пришла Над. Ег. с отцом, — он дожидался ее, чтоб отдать ключ, чтобы идти к нам, после к Залеману, но пришел отец, и я ушел, он остался, а теперь сказал, что если б я посидел немного, и он мог бы уйти. Вечером во вторник вздумал (вздумал-то раньше, а теперь только хорошенько подумал и начал делать), что для Ханыкова лучше перевести из Мишле «Истории философии» эту статью о праве, чем делать конспект по самому Гегелю, и более половины сделал 8-го и 9-го вечером.

10 [февраля]. — Утром в университет не пошел, а писал сначала перевод из Мишле, а когда ушел Ив. Гр., то начал писать о воспитании и дописал теперь до того, что должен рассказывать факты, т.-е. писать историю Жозефины; это должно писать, кажется, с одного присеста, поэтому оставляю до следующего раза, когда можно будет долго писать. Всего написал около 140 строк, т.-е. 8—9 страниц «Современника» или «Отеч. записок». Дописал это уже после обеда; после дописал, когда уже смеркалось, Мишле — всего там страниц 8 — 8½, у меня уписалось на пол-листа, и ровно все решительно понял. Когда дописал, в ожидании Вас. Петр. сел за шахматы в их комнате. С час после, часов в 6, пришел Вас. Петр. и просидел до 10; я сказал, что к Залеману идти не чувствую особенной охоты — на его вопрос. Он сказал, что тоже, и остался сидеть. Хорошо. Сидели, толковали, сначала о политике, и играли в шашки; я конечно излагал свои мысли. Он сказал, можно ли брать «Débats» — «я об этом уже думал, — сказал я, — конечно, верно, можно, спрошу». — После стал говорить о тесте, который сидел вчера, о Корелкине, Клеоне; я сказал, как думал, что писать можно и написать можно хорошо и тем легче, что я сам думаю о нем так же, как Куторга, и что хочу писать, но что здесь может быть и опасность, потому что и Куторга толкует

* Упрямству.

о прогрессе и реакции, о революции, партиях, демократах и проч. при этом, а у меня будет еще более. После я стал говорить (около 9) историю Благовещенского, которую рассказывал мне Ханыков; это, кажется, его взволновало, потому что это его история моего цинизма. Он стал говорить по этому поводу об Антоновском и говорил, я думаю, полчаса, не нехотя. В 10 ушел, и я сел писать это. Теперь подали ужин, и я иду. Завтра утром у Ал. Фед.: может быть пойду к Ханыкову, если не ворочусь с Ал. Фед. есть блины. Должно купить стальных перьев, которых не покупал с того времени, как писал программу для Срезневского, — так долго велась эта дюжина. После обеда к Вас. Петр. и верно с ним к Залеману.

(Писано 14 у Устрялова.) 11 [февраля]. [Отправился] к Ал. Фед., купил перьев, идя; он не пошел к нам, а сказал, что после. От него воротился домой и писал о воспитании до самого обеда, а после к Вас. Петр., где просидел до 10 час. Особенного ничего не было весь день. Отнес Вас. Петр. «Débats» 22—31 января. Он обещался быть в воскресенье, но не был; к Залеману не пошел.

12-го [февраля], суббота.— Утром писал все о воспитании. Как пообедали нарочно в 2, пошел в университет за письмом, обещавши быть дома в 6 ч. Хотел зайти к Корелкину на 1½ часа, но раньше хотел к Вольфу, зашел и был там более, чем думал. Важного ничего нет в газетах. В университете встретил Пластова, он проводил меня до Казанского собора. На Адмиралтейской площади смотрел на женщин, как обыкновенно, т. е. если бы был один, идя оттуда, то остановился бы, может быть, там довольно надолго. На обратном пути зашел в Пассаж, там [статья] Ламартина в «Presse» — там мысль Ламартина о поэзии, что это не стихи настоящего, а проза (это он говорит о патере Dumont).

(Писано у Фрейтага в пятницу, 18-го.) — Все время до этого дня, которое не провел в лени, употребил сначала на писание первой статьи о воспитании (отрицательной стороне его, где рассказ о Жозефине) и переписку ее до настоящего числа.

13-го [февраля]. В воскресенье после обеда пришло сомнение, можно ли писать о Жозефине, которую я назвал Казимирую, потому что ведь это может дойти до тех, которые теперь ее знают, и они могут узнать ее; это меня сильно поколебало и я с четверть часа об этом думал, как пришел Ив. Вас., который просидел до 9 [часов].

14-го [февраля]. — В понедельник утром отнес «Современник» Ал. Фед-чу. Воронин сказал, что брат именинник, чтобы я не был — хорошо. Пришел домой. В 6 час. пришел Ал. Фед. и просидел до 10 (двери с месяц уже, кажется, с самого нового года, или раньше даже, затворены, поэтому мне стало гораздо свободнее, — я и пишу в зале и сижу с гостями также).

15 [февраля]. — Во вторник пошел в университет. Вчера вечером написал две первые страницы набело и в университете написал еще страницу. Никитенке ничего не писал, потому что думал, что доста-

нет прежнего. Он принес «Бориса Годунова» разбирать, и когда спросил, есть ли что у нас, я сказал, что, кажется, ему угодно было разбирать «Бориса Годунова». Говорил несколько хорошо, но большею частью вещи, которые давно сказаны Белинским гораздо лучше и с лучшей точки зрения, а много и устарелого уж говорил. Оттуда к Вольфу, где ничего нового. Вечером пришел Вас. Петр., просидел до 10, говорил довольно много, сидели все одни — весьма хорошо. Большею частью говорили о политике, потому что он принес «Débats», которые не совсем дочитал, но назад взять в этот раз не захотел последние номера. Говорит: демократы глупы, поэтому едва ли можно надеяться успеха. Я отвечал, что они делали все, что возможно и проч., оправдывал их, говорил, что по «Débats» нельзя судить. Он говорил, что людей нет; я говорил, что есть, напр., хоть у Ламартина неужели недоставало мужества или решительности, или у Луи Блана, когда он говорил в Собрании 15 мая и оправдывал Барбе и Альбера и проч. Когда уходил, говорил, когда я буду? Я сказал, что не раньше субботы, потому что буду все писать. Он сказал: «Если так, я буду в среду или четверг», — и в самом деле в четверг пришел.

16-го [февраля]. — Когда я переписывал предисловие свое до рассказа, особенно первую половину его, мне пришло в голову, что это все весьма гадко, и я сомневался, буду ли я продолжать эту вещь — так гадко написано и проч. Дописал все-таки до Жозефины. Ждал Ал. Фед., его не было; Василия Петровича тоже.

17-го [февраля]. — Так как Куторга хотел быть, то я должен был идти в университет, но его не было. Утром успел написать одну страницу Жозефины. После обеда долго сидел так, как и утром, читал «Сын отечества», который принес вчера Ив. Гр., особенно комедию Шекспира «Укрощенная злая жена», где нет ничего особенного, ровно ничего, но ум виден. В 5½ пришел Вас. Петр., и мы разговорились. Я начал читать ему эту вещь — мысль, которая и раньше пришла мне в голову, что он скажет, стоит ли посылать и какие есть главные недостатки и можно ли их поправить. Он взял лист, который написан, и три последние [номера] 29 — 31 января «Débats». Говорили о том, о сем, — сначала он все о своей прежней жизни, после уж и я о себе, о том, какой у меня в голове хаос, как я ничего не могу сказать положительно и проч. Он говорил, что это от молодости, сказал о том, как я готов всему верить, что скажет порядочный человек, решительно всему, напр., что скажет Наполеон, Ламартин, Гете и проч. Он рассказывал о своей прежней жизни, о доме, (?) * который говорит по-латыни глупости относительно богословия, и проч. Я начал говорить, что я ничего не знаю даже о себе, напр., трус я или нет, что и то, и другое равно мне кажется достоверно, а скорее

* Неразборчиво. Ред.

всего я трус и человек бесчувственный вместе, и проч. Я сказал, что приду в субботу.

Любимька взяла у меня в эти дни всего 12 р. сер., потому что не было денег; мне было совестно, что я ничего не отдаю им, но мало совестно, потому что ведь туда употреблять их, куда употребляю я, гораздо нужнее; теперь вздумала отдавать 3 р. сер., я взял только один, потому что это было недавно, а остальное не хотел брать, да и не возьму, конечно, потому что мне и так совестно, что ничего не отдаю им, но мало совестно, потому что я человек вместе и раздражительный, и бесчувственный в высшей степени.

Напишу, что теперь я думаю о своей «необходимости отрицательной стороны воспитания». Сначала о манере. В первой половине до рассказа, во-первых, повторения и усиления риторические на манер Куторги портят; это произошло сколько оттого, что я довольно легко разгорячаюсь, как навоз, и начинаю испускать дым, если не огонь, столько и оттого, что не обделываю; а мысль, в то время, как она не обдумана заранее, дополняется в то самое время, когда пишу, и выходит мысль, как будто наш Свод законов с десятью дополнениями, из которых каждое — повторение прежнего и прибавляются новые клочки. Итак, это должно переделать бы, но я спешил. Потом какая-то патетичность, которая происходит от этого самого. Потом мне не нравится теперь, что я слишком горячо выразил, что никто не думает и не пишет об отрицательной стороне воспитания; у нас это так, но почему я знаю, что в других литературах и у ученых других народов? И не будет ли это в таком же роде, как Никитенко, который всегда говорит, что, напр., о Державине и Пушкине почти ничего у нас не сказали, они не оценены, и говорит в виде общих мест то, что давно с умом, резкостью и последовательностью высказано Белинским; так и я. А что касается до второй части, то самый главный недостаток, мне кажется, то, что я придал любви Петра Ивановича к Жозефине более продолжительности и интенсивности, чем следует, да и его сделал образованнее, чем он в самом деле. И вообще рассказ получает в моих устах какой-то мелодраматический оттенок, который должен вредить впечатлению на тех, которые одарены вкусом. И потом мне кажется, что все это вообще, — обе части, и половина первая, и самый рассказ, — растянуто, так что снова приобретает какую-то аффектацию, и выходит что-то снова вроде Куторги. Теперь я решительно не знаю, пошла ли в «Современник», — скорее что пошла, но решительно не знаю. Много это будет зависеть от Вас. Петр. Что он скажет об этом сочинении, я не знаю. Я думаю, что может показаться ему, что дело идет из-за пустяков, из-за мысли, которая вошла бог знает каким манером в голову, и в чем она истинна и приминима, — давно уже прилагается всеми порядочными людьми, а в чем не прилагается, в том доведено мною до нелепости, как всякий дурак, который проколачивает голову, молясь богу.

18-го [февраля]. (Писано 19, в субботу, у Фрейтага снова.) — Куторги не было. Я сказал, чтобы аплодировали ему, о чем начали говорить некоторые, и говорил много. Из университета домой, где прочитал почти все «Débats». К Ворониным. Узнал в университете, что Куторга старший¹³³ за пропущенные года три назад стихи сидит на гауптвахте, и даже, — сказал мне Воронин, когда я был у них, — государь спрашивал министра, может ли профессор Куторга продолжать лекции. Ныне, когда я пришел в университет, я говорил об этом резко. От Ворониных пошел к Вольфу, где думал от 26 февраля «Staatsanzeiger» найти (открытие палат), но [был] только от 24. Выпил кофе, посидел до 10. Когда полез за целковым, увидел, что в кармане нет ключа, думал — позабыл, но когда вышел, вдруг зазвенело — из кармана выпал двугривенный: итак, ключ выпал также. Это меня потревожило, но я думал, что может быть забыл дома — нет, обыскал все места. Зашел к Ал. Фед., взял «Современник», его не было дома; у него лежал атлас, я посмотрел его. Итак, меня беспокоило, что должно еще терять 60 к. сер. за ключ. Ныне, идя в университет, вздумал, что можно вывернуть замок и прискаты ключ на толкучке. Это заставило почти перестать думать, что-то будет у Вас. Петр., когда я схожу к нему, что-то он скажет о моем сочинении? Вздумал, не спросить ли у Куторги после лекции, что с его братом, — это так, для того чтобы сказать что-нибудь и выказать участие, да и в самом деле любопытно. Что-то за границей? В Риме и Тоскане республика. Когда мне сказал это Славинский, я с нежным участием сказал: «дай бог им успеха!» — тихим, нежным голосом, а не резким голосом гнева на противников, не голосом войны. Что-то будет? Дай бог, чтобы было хорошо.

Пробовал отпереть замок шпильками и вязальной иглою, потому что нужно было достать из ящика некоторые бумаги, но не мог. Наконец, догадался достать сквозь щель, не выдвигая ящика, в промежутке между стенками и крышкою стола, и в самом деле достал все, что нужно. Теперь начинаю пересматривать свой рассказ о Жозефине.

(Писано у Фрейтага в пятницу 25 февр.) — Всю эту неделю ничего не делал, кроме того, что переписывал рассказ о Жозефине, и теперь дописал до конца того, что она о себе рассказывает, и должно начать слова Петра Ив. Швецова. Меня сильно занимало, сколько выйдет страниц, и тогда, когда я писал, и когда я переписывал. Когда писал, сначала думал, что надобно как-нибудь написать до 30; когда написал предисловие (1 лист) и должен был переписывать рассказ о Жозефине, думал, что упишу на 3½ полулистах, поэтому 12 страниц моего письма, поэтому 24 «Современника» (Науки) — поэтому всего будет + 23 = 36 — 37. Теперь вижу (потому что во время самой переписки я много прибавил), что едва упишется на 5 полулистах, поэтому почти 36 — 37 страниц один рассказ, а всего поэтому 49 — 50. Когда писал и переписывал, довольно легко придумывал ход событий

и события, поэтому я стал считать себя способным к писанию повестей, между тем как раньше думал, что я не могу ничего выдумать — ни характеров, ни особенно происшествий, — нет, могу.

В субботу был Куторга на лекции, и я хотел, чтобы хлопали, потому что мне вообще хочется делать шалости, глупости и т. п. и почему же не польстить человеку? Я всегда готов польстить, т.-е. сделать удовольствие, особенно если насмех, это в моем духе.... *. Я говорил перед лекцией, чтоб хлопать, — первую идею подали об этом те студенты, которые были у него во время болезни, — за то, что он сказал, что, пока может, он не оставит университет, так он его любит. Во время лекции я даже написал билетик и стал передавать его из рук в руки: «после лекции аплодировать Миханлу Семеновичу», — не согласились, написали: «во вторник». Хорошо; во вторник я также говорил и даже было написал фальшивой рукой: «Некоторые из студентов филологического факультета предлагают своим гг. товарищам аплодировать г. профессору Мих. Сем. Куторге за его превосходные лекции и за выказанную им во время болезни любовь к университету. Они предлагают аплодировать 22 февраля во вторник после окончания лекции». Это хотел я положить на кафедру, когда не будет никого в аудитории, но не успел; поэтому осталось так в кармане, из которого в среду выронил, доставая платок; поднял Славинский и прочитал вместе со мною. Я показал свое незнание об этом листке, кажется, довольно хорошо, так что нельзя подозревать. Так во вторник все-таки я продолжал говорить, что должно аплодировать; немногие согласились, многие спорили, и даже Воронин, который, наконец, сказал об этом Куторге, который сказал, чтоб не хлопали. Когда Воронин сказал это нам, я перестал говорить об этом.

В субботу был у Вольфа; вечером у Вас. Петр. и говорил об общих вещах, о благе рода человеческого и т. п. Он говорил более в таком духе, какого я не мог подозревать, почти совершенно так, как у меня написано, когда я писал об эгоизме Гете, о различии между [заурядными и] такими людьми, как Гете, и между прочим, о том, что одни ничего не знают того, из чего состоит главным образом жизнь этих людей, что любовь у них обращена на другие решительно предметы, общие, а не свои частные — науку и проч., и, напр., любовь к женщине имеет решительно не тот характер.

Прибавление к субботе. — (Нет, я ошибся, хотел написать, что в этот день взял Вас. Петр. первый лист, предисловие к Жозефине, но он взял раньше, как я написал. А когда я был у него, то думал, что он заговорит, — нет, а только сказал, что начал писать было об образовании и воспитании по этому поводу, как он их понимает.)

* Неразборчиво. Ред.

20 февраля, воскресенье. — Утром ходил к Олимпу Як. попросить справиться о том, можно ли разменять бумажки, и к Ал. Фед. за «Отеч. записками», которые взял без него и взял два номера прошлого года, который не должен бы брать, как нарочно, особенно чтобы прочитать Вас. Петр., но ему-то и не дал, и пролежала эта книжка так. Был Ал. Фед. от 12 до 3. Хотел быть Вас. Петр., но не был, как и в понедельник следующий.

21-го [февраля]. — Из университета к Вольфу, где просидел до того, как идти к Ворониным, и пил кофе. У Ворониных не было урока, потому что говеет Константин. Меня это взбесило, что не сказали раньше и заставляли приходиться понапрасну, но мало.

22-го [февраля]. — Никитенко читал письма наших царей, которые недавно вышли, — мне снова показалось, потому, что ему скучны и глупы кажутся мои чтения, — но ничего. Дал Главинскому адрес семейства, в котором он готовится в университет сына. Это хорошо; поэтому и я могу когда-нибудь надеяться; но он ему дал раньше — это ничего, потому что ведь Главинский раньше меня отдал ему свой адрес. В университет приходил было Вас. Петр. к Никитенке, но опоздал, поэтому только между лекциями был. Я был развлечен своим намерением положить бумагу, в которой приглашал аплодировать. Сказал, чтоб я ныне приходил к нему, а он завтра. Был у него, снова говорили, снова играли в карты, и мне было снова нескучно. Вернулся в 10¹/₂.

Во вторник Вас. Петр. приходил в университет собственно затем, чтоб сказать мне, что он был по «Полицейской газете» во второй уже раз у Мордвинова (в первый раз был он в пятницу и уже говорил об этом мне 17-го в тот же день), приносил ему начало своей повести, как Мордвинов требует...*, которое ему понравилось и он сказал, что если так будет продолжаться и кончится, то он даст по 25 руб. сер. за лист. Это его несколько порадовало.

23 [февраля]. — Из университета был у Вольфа на несколько времени. Ничего нового или любопытного нет, решительно ничего. Вечером, как обещался, был Вас. Петр., просидел до 10. Надежда Ег. была у своих, но должна была придти сама с отцом, а не он за нею звать, поэтому-то он беспокоился и хотел раньше уйти домой: «будет плакать». Вообще он весьма мягок. Мне было весьма жаль и его, и ее, весьма жаль и стало жаль, когда... (Ну, теперь звонок, допишу завтра и более конечно напишу о Вас. Петр.)

(Писано в субботу, снова у Фрейтага.) — Итак, вечером был у меня Вас. Петр. в среду. Говорил о Над. Ег., о том, что он близок к самоубийству. «Над. Ег., — говорит, — весьма понятлива, весьма любит меня, весьма любит, мне не хотелось бы, чтобы она так была привязчива, потому что ведь неизвестно, что со мною случится, — и такой я бесчувственный человек (так обыкновенно

* Неразборчиво. Ред.

он называет себя): она ласкается, а я сижу как пень, такой бесчувственный. И то в ней хорошо, что никогда не высказывает, что ей неприятно, — напр., хоть каждое утро угораем мы, оттого, что печь дурно топится, и она каждый раз угорает, хоть я высылаю ее, когда топится, но все-таки. А между тем никогда ничего не скажет, не жалуется, а я такой бесчувственный — ничего. И многое понимает, чего я не предполагал, чтобы понимала, и ваша правда, что должно с большою осторожностью обращаться с людьми, чтобы не оскорбить их: я как-то раз сказал (это было при мне), что я не знаю, могу ли я теперь любить что-нибудь, или чувствовать к кому-нибудь привязанность; я говорил довольно темными словами и никак не мог думать, что она это поймет, а между тем это ее сильно огорчило». «Если, — говорит, — Мордвинов даст денег, хоть 100 р. сер., уеду в Москву на театр, здесь как-то связан; отзыв обо мне сделали хороший, так что от меня зависит поступить, но жалованья всего 1.200 на последнем разряде, это слишком мало». — Когда он говорил, все это на меня производило некоторое впечатление, так что сердце как-то несколько билось, т.-е. сжималось, но мало. Ушел в 10; я отдал ему шахматы и шахматные книги. Он хотел быть на другой день, чтобы принести «Débats», а я у него в пятницу.

24-го [февраля]. — Утром вышел рано из дома, чтобы быть у Олимпа Яковл., спросить об ассигнациях, но он не сказал, а я не напомнил, потому что можно еще и в воскресенье. Купил перьев; после писал в университете о Жозефине; когда пришел домой, все лежал. — В 6^{3/4}, так как Вас. Петр. не пришел, я к нему, взял «Débats» и свой листок, — он ни слова не сказал. Отнес ему две пешки, которые позабыты были у меня. Играли в шашки и говорили; Над. Ег., конечно, скучала. Пришел в 10^{1/2}. Хотел он быть в пятницу или ныне; вчера не был, поэтому ныне будет.

25-го [февраля]. — В университете, когда дожидался у XI аудитории, Славинский сказал, что у Иванова в кондитерской все журналы французские, между прочим и «National». — Это мне было любопытно и я захотел быть как можно скорее и в самом деле был в тот же день. Когда шел от Устрялова, остановил Срезневский, который стоял у окна с Корелкиным, и сказал, что он считает нас с ним решительно равными (это мне было приятно, что сравнивает, несмотря на то, что он получил медаль за сочинение для Срезневского) и что Мейендорф, студент 2-го курса, который хочет воспитываться в Берлине, хочет приготовляться к его экзамену и на-днях спросил у него, с кем ему приготовляться, что он равно смотрит на нас обоих и что уж как мы там знаем, пусть устраиваем между собою это дело. Это меня порадовало — во-первых, мнение Срезневского, что он не забыл обо мне и думает, что я помогу заниматься, хотя я у него ни разу не был; во-вторых, — может быть, Корелкин и уступит мне, и будут деньги, которые можно будет [отдавать] Василию Петровичу. Ныне утром пришло в голову, что легко может быть, что Мейендорф поговорит об

этом с Ворониным, а этот скорее должен будет указать на меня, чем на Корелкина. Как мы ушли с Корелкиным от Срезневского, я сказал ему: «Если вы отказываетесь, я очень рад» (он раньше уже сказал, что не знает, можно ли будет, потому что слишком много времени на это; я сказал, что нет, я так с удовольствием; но, конечно, это сказал он так и не откажется, — однако, не знаю как). Вообще, если он обнаружит желание, я ему уступаю, потому что не хочу связываться и переспоривать.

Из университета когда пришел, дожидался Василия Петр. — не пришел. Я захотел зараз побывать у Ал. Фед., Иванова и Ханькова, к которому давно собираюсь. Взял «Débats», Гегеля и «Отеч. записки» № 2 за прошлый год, отнес к Ал. Фед., которого застал против желания дома, должен был просидеть до 8. Оттуда к Иванову, где более двух часов читал различные газеты и нашел, что у него бывать лучше, чем у Вольфа, потому что есть и «Presse», и менее людей, так что свободно, да и больше журналов, которые стоит читать. В Берлинском Собрании в первый раз 169 против 148 приняли Geschäftsordnung*, предложенный правую сторону; итак, и здесь торжество реакции! что-то будет? — Мне это было несколько неприятно — что делать. Выпил кофе — хуже, чем где-нибудь, т.-е. менее сахару и хуже хлеб. Читал «Journal pour-gire» — довольно хорошо (тот №, где Les défenseurs de la République**, как Бюжо изображен в виде старухи и подписано: «Это не маршал, а повитуха, которая не умеет держать язык за зубами»). Воротясь, прочитал «Débats» 16 февраля, которые взял у Ал. Фед. и которые должен отдать Вас. Петр., который, надеюсь, придет ныне.

Любимьке велели вчера сидеть на постели, чтобы не простуживать ног. Бог знает, выздоровеет ли она. Мне, однако, несколько ее не жаль, кроме той жалости, которая вообще входит невольно в душу, когда видишь существо страдающее или хотя просто недовольное своим положением. Теперь они нуждаются в деньгах, у меня тоже почти нет (всего 30 к. сер.); они перебиваются; конечно, без затруднений, но не знаю, едва ли Ив. Гр. не должен будет взять их у Яхонтова или кого другого.

О Иванове: к Вольфу буду с этого времени заходить только по дороге, когда захожу, а когда нарочно пойду, то к нему, потому что это не дальше, чем Вольф, а газет больше и есть «Revue d. d. Mondes» и проч. — Теперь написано у меня 17 страниц о Жозефине, остается белых три, а из того, что переписываю, из черновой переписал почти 5 страниц, так что остается почти только последняя страница, написанная только вполовину и почти конченная, и этот рассказ Жозефины. Если Вас. Петр. получит довольно много денег, так что ему не нужно будет, то едва ли отошлю эту статью в «Современник», а оставляю так до времени, а

* Порядок дня.

** Защитники республики.

может быть и весьма надолго, так что если пошлю, то только для того, чтобы получить деньги за нее, а не из стремления к известности.

Не знаю, кажется, меня будет беспокоить экзамен Грефе, потому что я ведь год не был у него и теперь еле начинаю бывать, но много трусить не буду.

(Писано у Фрейтага 4 марта.) — В субботу из университета и из дома в 6, когда не пришел Вас. Петр. (не знаю, однако, дожидался ли я его, — кажется, что так), пошел к Иванову, где до 7, снова пил чай. В 7 час. к Ханыкову, который дал Feuerbach's Das Wesen des Christenthums. Когда я брал и шел домой, у меня было несколько раздумья, что выйдет из этой книги, когда я ее прочитаю, — убежусь ли я решительно в том, что говорит он, или нет; но была какая-то мысль, что я останусь почти с прежними убеждениями, т.-е. что прежние верования решительно не годятся, а сущность только справедлива в нашей религии, т.-е. личный бог, возможность и действительность откровения, — но толкование церковью этого откровения решительно негодно; однако и эти убеждения в личности бога, божественности христианства непосредственной и особенной, а не просто естественной, все это весьма шатко в голове. Когда пришел, прочитал вечером и утром сегодня введение — весьма понравилось своим благородством, прямою, откровенностью, резкостью — человек недюжинный, с убеждениями. После прочитал еще несколько страниц, и теперь убеждение такое, что это так: человек всегда воображал себе бога человечески, по своим собственным понятиям о себе, как самого лучшего абсолютного человека, но что ж это доказывает? Только то, что человек все вообще представляет как себя, а что бог, решительно так, отдельное лицо. Например, Раев думает обо мне но себе, я о Гете и Гоголе по себе, и собственно в моем воображении под этими именами являются не Гете и Гоголь, а я сам же, мои же собственные понятия о них, т.-е. обо мне, а не они; но они тем не менее решительно не зависят от моего существа и моей сущности, у которых решительно другая сущность, другой характер и образ воззрения, чем у меня, но которые я представляю себе не в их истинном свете и виде, а как отражения моей сущности. Но я прочитал еще всего 8—10 страниц и может быть мое убеждение изменится; а то все читал «Débats», чтобы, когда придет Вас. Петр., [были] готовы. Он был вечером, но не взял, потому что должен был быть у Федора Афанасьевича, у которого умер сын (это к 25, субботе), на похоронах; приглашал меня туда, я не согласился, собственно потому, что не хотелось бывать в чужом доме, где собственно я незнаком, и потому, что как-то стал я дик, да и об одежде пришло в голову, но слабо, что скверная. Хочу быть во вторник.

(Продолжение 26-го.) Писал Жозефину вечером. Читал и «Débats».

27-го [февраля], воскресенье. — Был у Олимпа Як., чтобы спра-

виться об ассигнациях, и в самом деле он уже справился — как он мил. Оттуда снова к Иванову, где пил чай. Пришел домой и ждал Вас. Петр. после обеда, потому что был у Федора Афанасьевича.

28 февраля. — Был у Вольфа, где пил кофе. Вечером писал Жозефину и почти дописал, так что оставались только прибавления от моего лица, что следствия из этого ясны и что это решительно правда, и начал перечитывать, чтобы поправить, где описки. Любимька сказывала, что был Ал. Фед., что нездоров и велел присылать меня, как приду; я и думал, что болен, но более думал, что это ему так показалось. (Нет, ошибся, смешал понедельник со вторником, оставалось еще много, это почти кончил, то — вторник.)

Колебался раньше, а теперь решил читать Никитенке на лекции свою статью о воспитании, пропуская только лирические места в введении о распространении убеждений, о слабости моих сил и проч., потому что в чтении перед пятью человеками они неуместны. Но Никитенко принес свою программу и сам толковал о словесности и ее преподавании, по большей части, что было говорено в первой лекции первого курса. Мне было довольно скучно. Должно сказать, что, переписывая Жозефину, я образовал привычку ходить в университет раньше времени и писать в аудитории пустой.

Вечером был Вас. Петр., говорил большею частью о том, как был у Фед. Афан., о том, в каком отношении он к ним, как это странно и ложно, что вместо того, чтобы думать о нем как о человеке, нуждающемся в помощи, которого должно пристроить хоть куда-нибудь, они приступают к нему со страхом и трепетом, как были чрезвычайно рады, что он приехал, и как Фед. Афан. встретил его и обращался с ним с большим благоговением, чем с своим вице-директором, с которым за панибрата, а с ним с благоговением и, напр., говорит, что место столоначальника для него низко, и почти конфузится, когда говорит, как бы не рассердился я, что смеют мне [предлагать] такие вещи. Взял Фейербаха, вторую часть Мишле и «Débats» и велел взять первую часть Мишле у Славинского, у которого я поэтому буду в среду. Я у него хочу быть в четверг. Почти кончил Жозефину и начал переписывать с твердым решением отнести в среду. Вас. Петр. говорил вообще о своих отношениях, поэтому и о Бельцове, и говорил, что у него дочь, как выразился, милая девушка. Я спросил: «Молоденькая?» Он говорит: «Лет 18; хотите, я вас познакомлю с ней?» Я сказал, что уж после моей свадьбы. Конечно, не согласился быть введенным к ним в дом, потому что, во-первых, не люблю этого — знакомиться, мне все как-то неловко кажется, как будто в низшее положение становишься, но не это главное, а то, что неловко: не говорю по-французски, не танцую, наконец, нехороша одежда и мало денег; а это меня весьма задело, что он говорит о ней — «милая девушка», потому что я полагаюсь на его суждения, слишком много полагаюсь, особенно в суждениях о людях, —

Итак, в самом деле прекрасная должно быть девушка. У меня уж и начинает шевелиться то чувство, которое заставляло бывать в Пассаже и пр., потребность влюбиться, что ли, как это называется: теперь думал об ней всю среду более, чем о Жозефине и всем другом — сижу на лекции, а в мыслях не то, будет ли принято в «Современник», а она, дочь Бельцова. Что за мальчик такой! Вот что значит не бывать в обществе и не видеть женщин и становиться таким человеком, который от первого женского имени готов вспыхнуть; в первую, с которой увидится и которая не будет слишком пошла лицом или душою (т.-е. не будет вроде Любиньки, где я вижу и то, и другое), готов влюбиться. Ну, да об этом после когда-нибудь больше буду писать. А теперь продолжаю свой рассказ, потому что остается только 10 минут. Вечером напишу письмо в редакцию.

2-го [марта], среда. — Оставалось проверить еще три страницы, когда должен был идти к Ворониным. Я надеялся успеть это в университете и поэтому взял с собою спички, сургуч, печать, чтобы, когда кончу, запечатать в университете свою статью (ее хочу свернуть я трубочкою). Все сделалось так, как я думал, даже скорее успел и лучше, чем думал: прочитал все у одного Никитенки, между тем как раньше думал, что не успею и должен буду после лекций остаться в университете на несколько минут. Перед Куторгиною лекциею пошел в нужник, где заперся и запечатал. Как выхожу оттуда, говорят: Куторги не будет; хорошо. Пошел из университета, думаю: ведь должен буду быть завтра или ныне у Славинского, чтобы взять первую часть Мишле истории, так все равно, уж лучше теперь, потому что будет короче дорога, ведь все равно должен идти в дом Лопатина, — и пошел, хотя не решительно хотелось там оставаться обедать, да уж все равно, — и пошел туда. Ну, остальное допишу завтра.

(5-го, суббота, писано не у Фрейтага, а в VII аудитории, пустой, где висят ландкарты и читает Касторский древнюю географию.) — Итак, пошел к Славинскому. Его еще не было дома; отец сидел за столом, оставил меня. После пришел Славинский, пообедали вместе; я взял Мишле; он говорил, чтобы, когда будет готов, принес я вторую часть, и дал мне Лео, Lehrbuch средней истории — хорошо, я взял. Оттуда, так как было рано, а мне хотелось в редакцию попозже, чтоб не узнали, пошел к Иванову, где часа полтора, и около 4¼ в контору «Современника». Он выйдет еще 12 числа, — итак, во-первых, рано отдаю, заняты еще следующим 3-м №, во-вторых, «Современник» как-то колеблется, шатается, что это? так запаздывает? можно ли это? Это сделало нехорошее впечатление. Вошел решительно холодно, так, как будто надеваю сапоги, равнодушно отдал молодому приказчику и сказал: «пожалуйста, передайте», — самым сухим и холодным голосом, как не ожидал; сердце нисколько не билось, ровно нисколько; сам тоже был решительно холоден, даже, можно почти сказать, занят другими мыслями. Пришел домой и пообедал, еще после довольно много спал.

Однако, с того времени, хоть не так много и беспокоюсь об этом, а все-таки, как иду в университет, думаю: «а может быть письмо из редакции», — хоть сам знаю, что, во-первых, слишком рано, во-вторых — может быть, и не примут. Однако, об этом мало думал, т.-е. постоянно занят, но так же, как, напр., мыслью о *regretum mobile**, так что лежит в фоне души и лежит совершенно спокойно.

3-го [марта], четверг. — Утром решил зайти к Ал. Фед. и против ожидания нашел, что [он] болен; посидел со скукою $\frac{3}{4}$ часа; просил зайти в пятницу взять письмо с 10 р. сер. Петру Фед., — хорошо, но едва не забыл. Из университета, где против ожидания был Куторга, который не был в среду, — к Вольфу, — нового ничего; после к Вас. Петр., у которого играл в шашки и карты. Он прочитал более половины Фейербаха и говорит: «Как же я ошибся, думая, что эта книга глупая — напротив, человек умный, каких у нас и в помине нет, которого даже не в состоянии и понять наши ученые, и человек с убеждениями и говорит решительно справедливо». Просидел до 10 $\frac{1}{2}$.

4-го [марта], пятница. — Читал вечером в четверг и ныне утром Лео; особенного ничего, но фактов бездна, равно как и учености, так что, кажется, получше Беккера. Читал и Bianqui¹³¹, прочитал страниц 80 первого тома, все вздор — во-первых, фактов нет, ровно нет; во-вторых, плохо, все из других заимствовано, так что, напр., факты только из Гизо; начну уж второй том, а первый брошу. — К Устрялову пришел Вас. Петр., который должен был быть у Залемана и в почтамте, и как сел подле меня, то я не стал писать, а вздумал писать записки, которые своим содержанием могли раззадорить Корелкина, и передавать ему (он сидел скамьею ближе к кафедре); так и прошла вся лекция. Так как бумаги не было, я разорвал один листик, который был начат Устряловскими лекциями. Всего было написано мною (я написал более всех), Вас. Петр. и Корелкиным, который писал ответы, 3 бумажки, из которых одна осталась у меня, 2 взял Корелкин; это мне было неприятно, что они не у меня в руках, потому что мне хотелось бы сохранить их, и под конец он упомянул о логике в своем ответе, и я вывел дилеммою, что он лжец, и соритом**, что всякий лжец подлец, а подлец стоит [того], чтобы ему плевали в глаза, следовательно... Дивлюсь, как я дерзок на язык, как он не рассердился решительно, а был уже близок к тому, чтобы рассердиться. Так как должен был быть у Вольфа, [то] взял 20 к. сер. у Любиньки, посидел там, — нового ничего. От Ворониных к Ал. Фед., где почти до 9 $\frac{1}{2}$ и пил чай, который нарочно для меня делали; после пришел Генрихсон — недалекий, т.-е. пошловатый человек, как показалось под конец, а сначала показался хоть куда и, конечно, гораздо лучше Ал. Фед.-ча по манере и по обра-

* Вечный двигатель.

** Сорит — цепь положений, приводящих к требуемому заключению.

зованию и по уму, хотя в сущности того же поля ягода. Я просил Вас. Петр. быть у меня в субботу или воскресенье, он меня также; я не знаю, как это будет: если он не будет ныне, может быть, я и буду; он будет завтра утром.

5-го [марта], суббота.— Утром встал почти в 8, пролил чернила, когда хотел налить в чернильницу, и стирал и выводил их до 9^{1/2}. После в почтамт для Ал. Фед., — хорошо. В университет пришел почти в 10 и вот все это писал до второй лекции, теперь скоро бьет звонок. Письма из редакции нет. Да, Вас. Петр. вчера сказал снова (он и раньше это говорил), что у Ламартина есть сходство с Иваном Яковлевичем. Я этого, правда, раньше решительно не замечал и раньше даже не соглашался с ним, а теперь пошел и посмотрел портрет его у Дациаро, довольно большой, грудной и хорошо сделанный, где он является стариком с угловатым лицом в застегнутом сюртуке; в самом деле, решительно правда и должен был сам заметить это: ниже носа, по бокам ноздрей и положение частей около рта, особенно сбоку рта, решительно как у Ив. Як., да, если угодно, и все лицо смахивает, а Ив. Як., должно сказать, Вас. Петр. не называет иначе, как ослом — решительно, говорит, подобие осла; а уж о сходстве Трошю (?) с Куторгою старшим и говорит нечего; я раньше не замечал, а когда сказал, я тут же согласился, и когда посмотрел, то удивился, как раньше не обратил на это внимания, сходство снова в тех же частях лица и носе, особенно нижней части и щеках, той части, которая ближе к носу. Необыкновенную пронизательность в отношении лиц имеет Вас. Петрович.

(Писано 8 марта, у Куторги на лекции.) Когда сидел на третьей лекции в библиотеке, подошел Срезневский и спросил, что дело с Мейендорфом. Я сказал, что, кажется, занял это место Корелкин, но что хорошенько я не знаю. Он был недоволен этим и сказал, что он думал не так, а что мы разделим это поровну. Идя на лекцию, он остановился с Корелкиным и Мейендорфом и сказал что-то, верно рекомендовал одного другому.

Из университета заходил к Вольфу, где узнал о том, что в Австрии также распушено Национальное Собрание и дана конституция императором — итак, вот как ободрил пример Пруссии. Хорошо! Хорошо! Будет и на нашей улице праздник и скорее, чем вы думаете! О, как вы слабы, вы, которые в руках, думаете, имеете силу!

6-го [марта], воскресенье. — Читал Blanqui¹³⁴. Говорит об утопиях довольно хорошо, т.-е. без глупого отчуждения, которое так смешно было бы, если б не было вредно, но писал вовсе не хорошо — фактов весьма мало и то написано из вещей весьма известных, напр., из Гизо. — Вечером, когда не было Вас. Петр., пошел в 6 ч. к нему, — его не было. Я уже уходил, когда догнал он, — он был в лавке, насилу догнал, — ко мне идти не мог, потому что дождался Над. Ег., которая была у своих, в 7^{1/2} пришла.

(Писано 9 [марта], у Никитенки.) Пил чай у Вас. Петр., про-

сидел до 11, так что пришел домой в 11^{1/2}. У него говорили более в революционном духе; говорили и о Фейербахе, — он сказал, что, конечно, умный человек, весьма умный, умнее всех этих наших ученых. Обещался быть у меня во вторник.

7 [марта]. — Утром шел снег, так что было ужасно скверно. Я ходил за письмом, — прислали 75 р. сер., мне в том числе 20 р. Я 5 р. сер. должен отдать за сапоги Фрицу, 2 р. сер. должен оставить себе, 13 р. сер. вчера отдал Вас. Петр., т.-е. во вторник. Когда был у Вольфа, просидел до 6^{1/2}, потому что читал дело в Бурже по «*Indépend. Belge*». Весьма хорошо; мне нравится Распайль; как хорошо, кротко и вместе сильно говорит он — молодец! Пришел поздно к Ворониным, просидел до 8 или более, пришел домой в 9 и не слишком устал — хорошо. Читал Лео, Среднюю историю — хорошо, весьма хорошо, не то, что Бланки, глубокая ученость. А 3 № «Отеч. записок» пуст так, что ничего почти не читал, кроме только литературы, которая писана хорошо, и даже разбор книги Михайлова¹³⁵ привел меня к размышлению, что это писано человеком, поболее меня знающим эти дела, и что мне тут не писать, потому что есть лучше меня. К этому присоединилось и то, что ответа на статью из «Современника» нет, хотя, однако, я того и ожидал, что не будет до 15 числа, когда услышал, что «Современник» выйдет 12 числа. Итак, конечно, я от этого ничего особенного не начинаю думать; да и то должно сказать, что я об этом думаю без слишком большого трепета, потому что это дело постороннее, [не] удастся, — так не будет хуже, чем теперь, удастся — хорошо. И снова должен сказать, может быть, и то, что собственно здесь дело не о мне, а о Вас. Петр., поэтому-то, может быть, как дело собственно чужое, это меня и не так занимает, как свое.

Но нет, это не оттого, потому что ведь почти так же занимает меня мало и мое *perpetuum mobile*, моя машина, которая должна перевернуть свет и поставить меня самого величайшим из благодетелей человека в материальном отношении, — отношении, о котором теперь более всего нужно человеку заботиться. После, когда физические нужды не будут беспокоивать его, когда относительно нужд начнется для него жизнь как бы в раю (другое дело болезнь и смерть — те еще верно останутся, хотя слабее, чем теперь), когда снимется проклятие: «в поте лица твоего снеси хлеб твой», тогда человечество решит первую задачу — устранение препятствий к занятию настоящего своею задачею, нравственною и умственною, тогда перейдет оно к следующим задачам. Я сострою мост, и человеку останется только идти в поле нравственности и познания.

(Писано у Фрейтага 11-го.) 8-го [марта], вторник. — Никитенко, когда пришел, спросил у Корелкина, есть ли у него что-нибудь, тот сказал — нет. Как меня не спросил, то я и не сказал ничего. Никитенко начал говорить снова о программе своей и т. д.; сказал, что ждет грамматики Давыдова, — я стал опровергать, что

ничего ждать, потому что ничего не может быть хорошего от Давыдова. Из университета пошел к Вольфу, чтобы разменять деньги, пил кофе и просидел до 5^{1/2}, так что, когда пришел домой, уже около часа ждал Вас. Петр., который просидел до 9; принес Фейербаха и «Débats» до 12 числа, остальные хотел прочесть завтра, и поэтому я к нему должен буду идти. Отдал ему 13 р. сер.

9 [марта]. — У Ворониных получил за 10 уроков 13 р. 60 сер., потому что раньше получил 15, следовательно 70 к. лишних — хорошо. Думал о том, как сделать, отдать Вас. Петр. 10 ли, [или] 12 р. сер. из них — решил, что 12, хотя думал, что скорее решу 10. Пошел к нему и не успел отдать, как не успел и взять «Débats», потому что еще не прочитал; играли все в шашки; он сказал, что принесет завтра и вместе пойдем к Залеману — хорошо.

10-го [марта]. — Утром читал Фейербаха. Что думаю о нем, напишу после. Прочитал до 110-й стран., хочется поскорее отнести, но раньше воскресенья не могу, потому что не успею. Думал: идти или нет к Куторге, потому что знал, что не будет; все-таки пошел, — он не был (и вчера, в среду, не был); я пошел к Вольфу, где до 3^{1/2} читал «Débatz» и Фейербаха несколько. Вас. Петр. пришел в 5^{1/2}; в 6^{1/2} к Залеману — он должен был [идти] в концерт, который в Пассаже, потому что получил билеты от сестры, поэтому в 8 час. ушли все вместе. Мы снова домой, я отдал 12 р. сер. ему; когда пришли, я пошел поставить самовар. Вас. Петр. взял 3 № «Современника» — это хорошо, что взял, но нехорошо, что до этого времени нет ответа мне из редакции. Это нехорошо, если и это так погибнет, как прежнее, которое отдавал в «Отеч. записки». Однако, все ничего, и как-то если успех — хорошо, если неуспех — как-то мало беспокоюсь; странный характер, решительно беззаботный, с одной стороны, чрезвычайно мнительный, трусливый, с другой стороны; однако, все вздор.

Когда пришли, я говорил большею частью и почти все о политике, говорил о суде в Бурже, говорил о Бланки, что вычитал в «Indépend. Belge», о том, какой оригинальный и резкий человек, и т. д. — Говорили мы после об истории, я о Шлоссере, об «Истории революции» Buchez; он говорил снова, что слишком мало читал он, ничего не знает, что теперь хотелось бы чем-нибудь заниматься. Я снова начал говорить, как мне противно, когда кто настаивает на том, что он решительно беспристрастен, не принадлежит ни к какой партии; да как же можно не принадлежать ни к какой партии, ни к какой школе? И вообще говорил много. Он, я думаю, должен был скучать, однако, не знаю. Да, должно сказать, что как иду в университет, думаю, что вот, быть может, найду письмо в университете из редакции. Вас. Петр. ушел в 10 час., я хотел быть у него в воскресенье. Теперь, если будет Куторга — к Вольфу, если не будет — домой пойду.

Лучше хотелось бы мне, чтобы был, — нет, лучше, чтоб не был, потому что все равно пойду к Вольфу, — нет, если не будет — не пойду, а домой. — Звонок.

(Писано 11-го, в субботу, у Фрейтага.) — У Куторги, который вчера был, говорил громко с Корелкиным в обыкновенном своем духе, так что оборачивались с других скамей, — мне это было как будто бы приятно: пусть слушают да дивятся. Из университета к Вольфу, — новых газет нет, поэтому через несколько времени взял «Современник», который брат не хотел, и стал читать «Признания» Ламартина и должен сказать, что они показались мне лучше, чем я думал, так что вроде Шатобриана, между тем как раньше я думал, что хуже. Письма из редакции нет. Когда туда шел, на Б. Морской, между Гороховой и Вознесенским, по стороне, которая к каналу, увидел на окне кондитерской, которую и раньше видел, вывеску «Staatsanzeiger» и вздумал, что должно туда зайти. У Ворониных не было урока, потому что Константин был болен. Вышел Александр и сказал это. Я так уже привык к этому, что почти не рассердился, т.-е. рассердиться совершенно не рассердился, а даже почти ровно ничего. Но что же за невнимательность, что не могут сказать? Хоть Александр — ведь видел же меня в университете, что же не сказал? Он попросил посидеть у себя, я вошел на минуту и тотчас ушел, потому что и не хотелось сидеть, потому что хотелось прочитать поскорее «Débats» и Фейербаха и отчасти (хотя это был более предлог для меня) потому, что ему должно было к завтра сочинение написать Фрейтагу, — я хотя знал, что уже написано им вместе с Захаровым. Пришел домой, поел, читал, спал от 10 до 11^{1/2}, после до часу снова читал и прочитал все «Débats», хотя поверхностно, и прочитал вчера и нынче утром Фейербаха до 180-й страницы, и как сначала все соглашался, так с того времени, как стал он говорить о значении божественности слова, тайны создания из ничего и т. д., не стал соглашаться; почему — напишу в другой раз, когда все дочитаю.

12-го [марта], суббота. — Утром встал в 6^{1/4} и стал читать Фейербаха и должен сказать — не слишком с большим вниманием: и охотою, а более как бы по обязанности. После, как готов чай, написал и ровно в 8 вышел к Ал. Фед. занести «Débats»; у него уже новые до 1 марта; я его просил к себе, он хотел придти. Пошел в университет, получил письмо от своих; когда швейцар позвал, я подумал, что это из редакции. Как думаю расположить свое время до вторника: ныне вечер и завтра утро — дома, буду читать Фейербаха; если успею дочитать, завтра же отнесу, если нет, что скорее, — как случится, — в понедельник или вторник, т.-е. в понедельник, если Константин Воронин будет все нездоров. Вечером в воскресенье буду у Вас. Петр., отнесу «Débats», если можно будет отнести Фейербаха, то пойду к нему в 4, от него в 6^{1/2}, если нельзя — к нему в 6^{1/2} или в 7, от него в 10, как обыкновенно. В понедельник, если не буду в воскресенье у Вольфа или Иванова (скорее, что не буду, а ныне буду у Вольфа), то буду непременно у Вольфа, все равно, буду ли или нет у Ворониных. А что вообще сказать о планах относительно будущего — я ничего не знаю теперь: жду, чем кончится история о необходимости воспитания, по-

сле почти до пасхи — там приготовления к экзаменам, там экзамены (готовиться особенно к Срезневскому, — много, кажется, должно будет списывать), а что на вакацию делать — не знаю, может быть, писать на медаль.

(Писано в среду 16-го, в 10 ч. вечера.) — В субботу, когда пришел из университета, читал «Débats» — или нет, не «Débats», а Фейербаха; вечером был Раев, просидел почти до 11 [часов].

13 [марта], воскресенье. — Утром до 4 вчера читал все Фейербаха и прочитал все. Как прочитал, пошел к Вас. Петр., отнес шесть первых номеров «Débats», т.-е. до 23 числа февраля, которые уже прочитал, и шел к нему с намерением уйти к Славинскому и Ханыкову; может быть, и не пошел бы, но Корелкин прислал мне польские стихи, которые я взялся перевести в понедельник Срезневскому, поэтому должен был достать лексикон у Славинского. Итак, к В. П. пошел как можно ранее. Над. Ег. не было дома, мы просидели до 7 почти, поэтому я вышел и пошел; в воротах встретила Над. Е., которая воротилась домой и которой вздумалось, что я уйду, увидевши ее, хотя это было невозможно. Вас. Петр. сказал, что она об этом [будет] плакать или во всяком случае будет недовольна этим. У Славинского лексикон польский взял Корелкин. Итак, я к 8 часам отправился к Ханыкову. У него был один студент и один статский молодой человек, который очевидно был глупее всех нас. Студент несколько похож на человека, т.-е. даже очень много, но не так умен, как Ханыков. У них просидел до 11 часов; должно снова пойти, потому что хочется взять книг.

14-го [марта], понедельник. — Утром отправился к Корелкину, взял у него лексикон и пошел в университет готовиться. У Срезневского переводил хорошо, читал — нет, хотя думал, что прочитаю порядочно. Из университета, хотя Воронин болен, все-таки зашел к Вольфу, взял кофе и просидел до 6^{1/2} и уж почувствовал как-то нехорошо в желудке, так что уходил на двор туда в переулок. Когда шел домой, несколько ныли зубы, — должно было раньше пообедать, после чистить, потому что натошак нехорошо; я сделал наоборот: чай был подан, я обедать не стал, а стал чистить зубы и расстроился, так что стало тошно и я поправился хорошенько только через полчаса или более. После читал «Débats»; думал и о том, не написать ли чего Никитенке, но уж было поздно. Хорошо. Да, тем более не захотел, что думал, что будет читать о синонимах Корелкин, и так в самом деле было. — Подают ужин, после уж.

(Писано в четверг 17-го, в 11^{1/2} утра.) — Вчера сел писать, потому что щемило сердце потребностью любви, поэтому я и сел, но не успел дописать до тех пор, как хотел, поэтому продолжаю теперь, потому что еще час почти до того времени, как должно будет идти в университет.

15-го [марта], вторник. — Утром у Никитенки на лекции, вхожу — сидит Вас. Петр. в аудитории. Поговорили втроем с Корел-

киным, я довольно резко. Вас. Петр. не остался на лекции, а ушел в 14-ю линию Васильевского острова, где нужно переводчика, но сказали, что уж занято место. Мы остались. Корелкин стал читать о синонимах русского языка и говорил, что русский язык [богат], я стал говорить, что нет; Никитенко заступался за Корелкина, за русских писателей, за Державина и проч. Я все говорил, — я думаю, больше половины лекции прошло в том, что я все доказывал, что русский язык еще решительно не развился, что поэтому богатств в нем гораздо менее, чем во французском, немецком, что богатство этимологических форм в сравнении с этими языками ничего не значит, потому что в финском языке 14 падежей, в татарском 20 или 30 залогов, но что же это доказывает? Все зависит от синтаксиса, перифрастические формы могли бы весьма хорошо или даже лучше заменить этимологические формы. Я говорил не с жаром, конечно, которого вовсе не чувствовал, а все-таки щеки разгорелись. После лекции Никитенко сказал, чтобы я давал уроки одному молодому человеку из Финляндии, который хочет быть учителем и должен держать экзамен из русского языка. Это меня весьма обрадовало для Вас. Петр. Никитенко сказал, что с завтра начнутся, — весьма хорошо, весьма хорошо. Цену я думаю брать смотря по его состоянию: если небогатый человек, то, конечно, сколько может, но чем более, тем лучше, потому что это нужно для В. П. — по моему мнению, это доставит около 30 р. сер. — Вечером пришел Вас. Петр. почти в 6 и просидел до 11. Это одно из самых важных и душевных свиданий с ним, давно уж не было такого, и очень давно ничто на меня так не действовало, как этот вечер с ним. Ив. Гр. весьма скоро ушел к Олимпу, откуда воротился в 12 ч.; мы сидели с затворенными дверями и говорили довольно тихо, так что ничего нельзя было слышать, поэтому совершенно откровенно. Он мог оставаться долго потому, что у Над. Ег. была в гостях Александра Егоровна и поэтому можно было оставить их одних. Напишу об этом побольше.

Сначала разговор был о внешнем — о разговоре В. П. с нами перед лекцией у Никитенки, о Никитенке, о политике несколько, о 3 № «Современника», который Вас. Петр. принес, — там была статья об университетах, где говорится, что разврат не в сочинениях древних, классических писателей можно почерпнуть, а разве в сочинениях Виктора Гюго и ему подобных¹³⁶. Вас. Петр. спросил, что ж писал этот Виктор Гюго и что за особенная развратность в его сочинениях? Я и пустился толковать о В. Гюго, рассказал, что знал о его драме *Marion Desorme* и Лукреции Борджиа, сначала о М. Делорм: сказал, кто такая была она, что любовница Людовика XV, когда он [был] старик, гадкий, что это была женщина просто развратная, негодная, просто негодная, не то, напр., что первая любовница Людовика XIV графиня Ла... (позабыл фамилию, та, которая пошла в кармелитки)¹³⁷, которая любила короля, была женщина, заслуживающая всякого уважения, достойная, весьма достойная, а это была просто беспутная жен-

щина. Все это рассказывал я подробно, как знал, со своими суждениями, которые более, чем в отдельных фразах, высказывались в самом рассказе, в самом изображении фактов и ходе мыслей, как изображалась эта Делорм, этот l'Ange*, лоретка, на самой низкой ступени, на которую может стать женщина, — и вдруг она в кого-то влюбляется, и любовь эта решительно преобразует, очищает ее; одним словом, говорю я, основная мысль этого создания та самая, которая выражена в стихотворении Гюго же «Не насмехайтесь над падшею женой» и т. д.; передал по-своему содержание и смысл этого стихотворения и то, как нужен только луч солнца золотой, чтоб заблестать ей опять. Потом стал говорить о Лукреции Борджиа, что она была по истории, в каком веке она жила, какие тогда были нравы в Италии в высшем обществе, как она была полным воплощением их, наконец, что говорят о ней самой, о связях ее с братьями и отцом и, наконец, о том, как представляется она у Гюго. (О Делорм я вычитал в какой-то повести «Библиотеки для чтения», кажется, или нет, «Отеч. записок», переведенной с французского, где еще молодой парижанин дает эту книгу молодой женщине, та после сжигает ее, чтоб не увидели у нее такую книгу, в духе Ж. Занда, а может быть и ее повесть; а о Лукреции Борджиа, кажется, в «Телеграфе»¹³⁸, который брал у Левитова в Саратове, в критике G. Planche на эту драму.) Наконец, сказал: «Вот видите, основные мысли, как видите, в высочайшей степени нравственные и глубокие: истинная любовь очищает, возвышает всякого человека, как бы низко ни спустился он, совершенно преобразует его, — это Делорм. А Борджиа — зло носит в самой себе, свое наказание, свое мучение. Конечно, — говорю я, — эти мысли изложены пластически в сценах бурной вакханской оргии на сцене, так что большинство, пожалуй, и скажет, что это безнравственно, но в сущности это вовсе не то, и когда В. Гюго был бы безнравственным? Он весьма рано женился, потому что вот его сыну столько-то лет, тогда-то кончил он курс и был увенчан вместе с сыном Гизо, а он страстно любит свою жену и детей и сам прекрасный семьянин».

Таким образом говорил я, вероятно, более получаса, как обыкновенно заговорился, т.-е. как-то разгорячилась голова и стал какой-то помешанный несколько, т.-е. как после трубки или когда встаешь, долго лежавши, когда кровь в голову, и между тем думал: «Верно я наскучил Вас. Петровичу». Когда я кончил, тут-то собственно и начался разговор, слишком для меня занимательный и волнующий, или лучше — щемящий мое сердце, но об этом после, а теперь сажусь есть, потому что должен, потому что поздно ворушусь: в 5½ час. уже ведь должен быть у этого Ната или Напа, как его зовут. Теперь ровно 12.

(Писано у Фрейтага в пятницу.) — Когда я кончил, он сказал: «Как я ошибался в вас, — я думал, что у вас воображение ничего

* Ангел.

не раскрашивает, что вы смотрите на вещи положительно и холодно, напротив — у вас сердце горячее». Мне хотелось поехать по этой открытой мне дороге, объясниться, и хотя не вдруг, но дошел почти до конца. «Это так может казаться, — сказал я, — оттого, что я совещаюсь говорить об этих вещах, а уж что и говорить, как воображение мое расцветивает вещи; ну, конечно, есть вещи (и я думал о любви к женщине в это время; он понял, о чем я хотел сказать, и после сказал об этом), которые бывают с другими в 15—16 лет, а со мною теперь только хотят быть, и, конечно, оттого, что позднее, будет только сильнее и хуже; но что касается, напр., хотя до славы, так нечего и говорить, как я тут далеко заносился воображением (и я, конечно, думал о своем *perpetuum mobile*), я думал о том, что уж нельзя назвать и славою, а я не знаю, как»... — «Да, — сказал он, — скажите, как же я думал, что вы слишком холодны и равнодушны к женщинам, а у вас сердце чрезвычайно любящее и так и готово вспыхнуть, ведь вы об этом намекали?» — «То-то и есть, что об этом». — «Скажите же, как вы были до сих пор? Что скажете о чисто физической стороне этой любви? Я думал, что вы слишком холодны и не знаете этого». — «Нет, — сказал я, — это началось во мне так рано, что не только удовлетворять нормальным образом, но и онанизмом было почти невозможно. Не знаю хорошенько, как именно рано, но в конце 15-го или начале 17 года, не знаю теперь хорошенько, я уж думал, что имею право подсмеиваться над теми, которые увлекаются этими вещами — у меня уже прошло и остыло большею частью». — «Ну, а ведь вам никогда особенно не нравилась ни одна женщина, особенно? не производила на вас впечатления?» — Я прямо не стал говорить об этом, чтобы не сказать ничего о Над. Ег., а стал объяснять, как это могло быть: «Вот видите, когда я жил в Саратове, во-первых, я решительно не знаком был ни с кем, решительно ни с кем, и должен сказать, совершенно не видел женщин; а потом ведь должно сказать, что я ведь слишком близорук, так что должно сказать, что я до самых тех пор, как надел очки, настоящим образом знал в лицо только папеньку, маменьку и товарищей, вообще только тех, с которыми целовался, потому что на полтора аршина я уже ничего не могу различить в лице. Вообразите, что я, напр., настоящим образом узнал Ив. Гр. только уж по приезде сюда. Так видите, мне не могла понравиться ни одна женщина, потому что я ни одну не мог видеть в лицо». — Я говорил это довольно подробно, так что говорил об этом с четверть часа. Когда я кончил, он сказал: «Да, вам предстоит еще огромная деятельность на этом поприще... В самом деле, человек необыкновенно много живет в то время, когда любит. Да, вот, в самом деле, когда я вспомню про свою первую любовь, про любовь к Катеньке Райковской... Ну, а остальные уже скверные, но все-таки это самое счастливое время моей жизни». — И он начал рассказывать о своей любви к Катеньке Райковской; после, заговорившись, стал говорить и о других. Я слушал с тоскою сердца, напряженным внима-

нием и большим интересом, как по самому содержанию и потому, что это относилось к нему, а все, что относится к нему, имеет для меня почти такой же вес, как и то, что относится собственно до меня. Что помню, то стану писать.

О Катеньке Райковской он рассказывал мне как-то раз прошлую осенью, когда он жил в Большой Офицерской, я на Вознесенском, в доме Соловьева, когда как-то он вечером провожал меня по Вознесенскому часов в 8. Вот что говорил об этом теперь:

«Когда я приехал» (куда — я хорошенько не помню, а должно быть в Курск, об этом должно спросить), «там я перешел учить детей к полк. Райковскому, у которого была дочь. Кстати, должен сказать, что куда я являлся, везде у меня были союзницами женщины, врагами мужчины, но что сначала женщины везде меня ненавидели, и только мало-по-малу сходились мы с ними» (я вспомнил о княжне Мери и Печорине); «так и здесь, сначала я хотел оставить это место и именно потому, что она с явным неудовольствием смотрела на меня, — т.-е. по наружности, конечно, соблюдала она все приличия, спрашивала о здоровьи, потому что там так принято, присутствовала при наших уроках, но явно было, что я ей именно не нравлюсь. Только уже много после и мало-по-малу это нерасположение обратилось в любовь, и как сильно она привязалась ко мне — это удивительно. И я также как любил ее! Когда дело расстроилось, я хотел убить себя, и, конечно, убил бы, до того я был в отчаянии, но остановила мысль о маменьке и папеньке. И только под конец уже я стал бывать у нее ночью в комнате, только под конец, а то была все чисто платоническая любовь. И как я бывал у нее? Можно было бы очень легко, потому что ключи от парадного хода всегда можно было достать, а как войдешь, так в коридор, который ведет в ее комнату — решительно бы спокойно и безопасно. Да нет, тогда я был трус и неопытен в этих вещах, поэтому делал так: выходил из комнаты на двор; там в доме в нижнем этаже был подвал, который не запирался и который был заставлен различными вещами небольшой цены, различным хламом. Я проходил посреди всего этого, — долго должно было идти по подвалу, наконец, подходил к лестнице, в подвал выходит погребочек из буфета с закрышкой (я не припомню теперь хорошенько, как называется это, но и у нас в Саратове так делают, напр., так у Фед. Степановича), и вот тут должно было только поднять закрышку и влезть, и я выходил в буфет, а оттуда в ее комнату. Удивительно, как привязаны мы были друг к другу. Катеньке особенно нравились мои глаза, и сколько раз она целовала их» (это, как она целует его в глаза и как говорит: «О, бог мой, какие у тебя прекрасные глаза» — особенно мне понравилось, как-то трогательно, и эта картина живет всего на меня подействовала). «Так у нас прошел год... Наконец узнали»... (продолжение после, где знак) (писано в субботу). Чтоб не мешал Фрейтаг, так разговор напишу в другой раз, отметивши, что продолжаю 15-е марта, вторник, а теперь продолжаю

остальные дни, не внося сюда следствий этого разговора, которые напишу после вместе с его продолжением.

16-го [марта]. — У Ворониных все не было урока, как и в пятницу 18-го. Из университета пошел к Вольфу, где просидел довольно долго; после этого не был до этого дня, поэтому трое суток, поэтому больше, чем довольно давно уже бывало, расстояние между моими посещениями. Ныне зайду. Утром, после своей лекции, Никитенко представил мне Ната — 3 урока в неделю, о цене ничего — по-моему исчислению это около 30 р. сер. будет доставлять, потому 6 недель до начала мая, поэтому 18 уроков или 20 по полтора рубля сер., из этого можно будет 25, конечно, Вас. Петр. Что делал вечером? Да вот что: писал польские стихи, которые дал Срезневский, и читал «Современник».

17-го [марта], четверг. — Утром читал «Современник», писал стихи, наконец завтракал, потому что думал, что поздно ворочусь от Ната, с которым условился, [что] буду бывать утром во вторник, вечером в четверг и в субботу. Из университета зашел к нему, но урока не было, а так посидели, и в 4½ был дома; условился, что буду давать по утрам в понедельник, вторник, четверг перед лекциями, и начнется с понедельника, т.-е. 21 марта. Он поступает учителем в гимназию и теперь живет не слишком дурно, а как жил я, когда жил один, поэтому может несколько давать, но немного; о цене ничего. Когда пришел домой, Ив. Гр. попросил вписать несколько (страницы 2½ в полстраницы шириною) по-польски из актов в записку о деле Карповичей. Сел, писал до 6, после пошел к Вас. Петр., у которого до 10½, так что домой пришел в 11. Толковали мало, больше играли в шашки и карты. Когда пришел, Над. Ег. не было еще, скоро пришла от своих. — У Вас. Петр. явилась кухарка, о чем он говорил мне и в прошлый раз, когда я был у него, т.-е. в воскресенье, но тогда говорил он, что надеялся отделаться от нее, а ее рекомендовала Ольга Егоровна. Он отдал мне «Débats», но не Бланки, которого у него теперь первый том, а раньше был второй. Про второй он говорил, что это ему занимательно показалось, потому что ничего не знал об этом до этого времени. Когда я был у него, приходил Ал. Фед. и взял «Современник», о чем я и не знал тогда.

18-го [марта], пятница. — Вас. Петр. хотел придти в субботу, но пошел к Устрялову и у него писал некоторые вещи — слово папы Иннокентия, которое осталось у меня и мне понравилось. Здесь Воронин сказал, что урока не будет, и я как знал, что Ив. Гр. хотел не быть вечером дома, [то] просил Вас. Петр. не в субботу, а ныне. Хотел из университета зайти к Вольфу, но как шел с Славинским, то не зашел и хорошо сделал, может быть. Когда пришел домой, читал польскую книжку *Szatan i Kobieta*, не эту драму, а приложенные к концу стихотворения, которые не слишком-то понравились, и мне показалось, что у меня развивается вкус, так что весьма хорошо вижу, что нехорошо и почему нехорошо, что или основная мысль пустая или надутая или моральная, школь-

ная, или исполнена нехорошо и почему нехорошо, как это же самое и относительно стихотворений, которые переписывал — Swięteżianka и Pani Twardowska — мне кажется, что я хорошо вижу, почему это не так. В 6 ч. пришел В. П., просидел до 10. Я ждал его с нетерпением, потому что думал, что снова разговор будет как в прошлый раз, — так же расшевелит меня, хотя и знал, что это бывает не по заказу и желанию, а как придется; и в самом деле, как-то не так хорошо клеился. Говорил он о себе, своих отношениях к своим несколько и снова об Антоновском, о том, почему ему не пишет: потому что боится, что тот все бросит и отправится сюда и расстроит свою службу и доходы: наконец, потому, что могут прочесть письмо к нему писанное, потому что он неосторожен в этом отношении. Говорили об откровенности, он сказал, что с Антоновским не был откровенен, со мною больше, но не совсем. Говорил о том, что он ждет сюда Стибурского, который едет помощником правителя дел в канцелярии здешнего генерал-губернатора; говорил о своих планах, о том, что должно держать экзамен, и я даже говорил, чтоб держал ныне, хотя сам думал, что поздно; он говорил, что с нетерпением ждет Михайлова, потому что вместе, или во всяком случае, когда знаешь, что не один, готовиться гораздо лучше, и я сказал, что если так, должно написать ему письмо, спросить, что он думает; одним словом, он говорил о степени его необходимости и проч., решительно так, как думал я, между тем как я думал, что он вовсе не так думает. Говорил о том, что по камеральному факультету пугает его механика, что каково держать по камеральному, каково по юридическому, каково, наконец, по филологическому факультету. Итак, мне пришлось в голову, что если не теперь, [то] в следующий год со мною; непременно должен его довести до того, чтобы он вместе со мною готовился и держал экзамены; но ведь это еще год, а мне лучше хотелось бы, чтобы в этом же году. Звоню, — итак, оставляю, а штука с табаком, который думал заставить Ив. Гр. купить на свои деньги.

(Продолжение разговора с Вас. Петр., — см. предыдущую страницу вверх, — который был в прошлый вторник.)

«Итак, узнали о нашей любви, и я принужден был удалиться. Она уехала в другой город жить. Боже мой, в каком я был отчаянии! думал утопиться, резаться, и только мысль о папеньке и маменьке удерживала меня от этого. Это была самая лучшая любовь моя. После этого уехал я в Екатеринославскую губернию, где стал учителем у помещика Балясного — это был поляк. У него было три дочери, все весьма недурные и все нечуждавшие меня, но средняя, Юлинька Балясная была лучше и милее всех. Вот с этою-то и завязалась у нас любовь. К моему удовольствию, у нее было уже проломлено, но я не думаю, чтоб она имела до меня с кем-нибудь дело, потому что она была слишком молода, но часто они сами себя портят. Наконец, и это узнали. Вот как: я уже вам говорил, что везде я бывал во вражде с мужчинами (потому что

затмевал их). Был один поляк, который раньше имел претензии на Юлиньку, а тут я решительно уничтожил его в ее глазах, и он страшно на меня злился и подсматривал за нами. Раз мы поехали гулять через реку в лес на другую сторону. Когда все разошлись, и мы с Юлинькой ушли в лес, и хоть мы никого не заметили и не видели, кто бы мог подсмотреть нас, но все-таки у меня тот час сердце предчувствовало, что что-нибудь вышло неладно. Он, каналья, в самом деле заметил и пересказал ее отцу и матери. Как мы воротились и я поглядел на его лицо и на лицо ее отца и матери, для меня все стало яснее дня. Хорошо. Я вижу, что если я останусь, дело может кончиться плохо, — они, пожалуй, могут вздумать наделать мне неприятностей, — и тотчас решился бежать. Но во весь обратный путь домой я сохранял совершенное спокойствие и веселость, так что не подал им никакого подозрения, что я заметил, что они знают. Как приехали, я в тот же вечер; пока не разъехались гости, и удрал. Идти обычной дорожкой мне было нельзя, потому что могли догнать, поэтому я и пошел пешком, не нанимая лошадей; потому что меня ведь кругом знали, к Антоновскому, который жил верст за 20, тоже на уроке. Должно сказать, что судьба всегда так устраивала, что Антоновский являлся тотчас там, куда я перейду. Я явился к нему, пересказал ему все, оставил письмо Юлиньке, в котором написал, почему должен я оставить так вдруг — после я получал сведения о них через Антоновского». (Или я позабыл, это было о Райковской? кажется, что скорее об этом.)

«Наконец, вот третья история. Я жил в Курской губернии у помещика Мирного, у которого готовил двух сыновей в инженерный корпус; он меня ужасно любил, хотел всеми средствами помочь мне; обещался, как дети будут готовы, дать мне все средства жить в университете, и одним словом, если б до конца я выдержал, судьба моя устроилась бы решительно иначе; он был решительно такой кроткий, тихий, добрый; но и тут не обошлось дело как следует. Его жена, женщина уже немолодая» (как я сужу по его рассказу — 30—33 года), «довольно хорошая собою, страстно влюбилась в меня — уж тут не я был виноват. Я противился всеми средствами, но, наконец, не устоял, а надобно вам сказать, что и она, как я приехал к ним первый раз из города, ужасно была недовольна на мужа за то, что привез такого неуклюжего, нелюдимого, как я — это сначала и отталкивало меня от нее. Я думал, что это развратная женщина, которая ездила и будет ездить на всех учителях и теперь недовольна мужем за то, что привез ей не красавчика — нет, напротив, — я обижал ее, — страстно влюбилась в меня, и в это время я уже был смел. Я с детьми жил через огромный двор, в особом флигеле, должно было переходить через весь двор, а ведь каждую минуту может кто-нибудь заметить, все-таки я проходил; она жила на отдельной половине вместе с маленькими дочерьми, в одной комнате спали с ней две: одной было года 3, другой лет 6, и должно было не разбудить их — ведь дело опасное, — мы уходили в другую комнату. И странно, как неловки бывают эти жен-

щины; никак не может скрыть ни любви, ничего; уж как я, кажется, говорил ей обо всем, как она должна вести себя, чтобы ничего не заметили, — нет, всегда в каждом слове, в каждом взгляде так и высказывает нежность. Раз я едва мог ускользнуть: мужу приснилось или показалось, что пожар, и он разбудил лакеев, поднял страшную суматоху, стал бегать по всему дому — а, может быть, он что-нибудь уже и подозревал, только я этого не думаю... У нас была поверенная — одна ее горничная, после она была принуждена как-то открыться и другой, я ее предостерегал от этого, но нет, не могла остережиться, и верно кто-нибудь из них проболтался, так что муж узнал и готовил страшное мщение. Боже мой, как рассвирепел этот человек, такой кроткий, который только, кажется, спал и ел! И что значит горе: он был удивительно здоровый, крепкий мужчина, а тут в несколько дней так осунулся, постарел, похилел, что страшно смотреть. Она написала мне, чтобы я бежал, потому что муж знает, и вот я в страшную ночь бежал». (Об этой ночи я уже раньше писал в этих записках ¹³⁹ — было рассказано по другому какому-то поводу.) «Я ужасно негодовал на себя, что допустил соблазнить себя, убить этого кроткого, доброго, почтенного человека».

«Вот, наконец, перешел я служить в Курске и Антоновский со мною; мы стояли вместе у одной родственницы священника Андреевского. У него была дочь лет 13—14, которую звали Анна, — или, как обыкновенно называли, Нюнечка, — в самом деле премилое, прекрасное существо, мы и влюбились в нее оба с Антоновским и сначала не говорили об этом друг другу, а после объяснились. — Так знаете ли, бывало, как скажет хозяйка, что будет у нее Нюнечка, мы сами не свои, ждем — не можем дождаться, и сердце бьется, и лицо изменяется, — мы молчим и наблюдаем друг за другом. Не знаю, что теперь — если Антоновский в Курске, может быть, он теперь и женился на ней, потому что ей теперь уже лета. Только то, что ведь он горький пьяница, но это ничего, он может решительно перестать, если захочет, совершенно перестать,* стать человеком решительно прекрасным во всех отношениях, это я знаю уже по опыту: когда он был в богословии первый год, он влюбился в одну девушку, и тогда в этот год его решительно нельзя было узнать, — человек был тогда влюблен, это я узнал уже после, а раньше я думал, что он решительно неспособен к любви. Эта любовь кончилась несчастливо: она ему изменила, и он впал в ужасное отчаяние. А первая моя любовь была, когда я еще не...» — Ну, теперь буду собираться к Нату, а это допишу после, — теперь 9¼, у него должен быть в 10. Где будет продолжение, будет знак З — верно вслед за этим.

(Писано 2 апреля в 8½ утра.) Итак, вот две недели, как я не принимался за эту вещь, а стоило, между тем, потому что несколько различных вещей, которые, однако, мало имели влияния на сердце.

Запишу по дням:

18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 1 2
воскр. пон. сред. пятн. воскр. вторн. четв.

У Ната был только во вторник 22-го, в четверг ему было некогда, в субботу 26-го я позабыл; в четверг я, сказал, чтоб у Фрейтага и ни у кого не были, не послушались, как мне показалось, потому что ничего не сказали, поэтому мне должно было готовиться к субботе. Я в четверг вечером (а утром был у Ол. Як., чтобы взять для Ханыкова книги «Отеч. записок», где «Письма об изучении природы»¹⁴⁰, а между тем взял другие книги, где Мартин Чодзльвит¹⁴¹ и о Реформации¹⁴², 5 книг 1844 г., вечером первую, где начало Жака¹⁴³, тотчас отнес к Вас. Петр.). Вечером заходил к Ив. Вас. за латинскую грамматику, его не было; я просил Вас. Петр. занести завтра — принес в самом деле, но писать не хотелось, поэтому я и выписал было у Ciceronis De natura deorum, сказавши, что это отрывок из старинной проповеди, но когда пошел, решил, что не буду у Фрейтага и ни у кого. Хорошо. Мы, третий курс, пошли наверх, — внизу остался болгарин Дмитриев, которого сочинение у Фрейтага, — вслед за мною, вдруг слышим, что он и Голубев сидят у Фрейтага, который пришел. Лыткин говорил, что нужно дожидаться, когда пойдут с лекции, и сказать выговор. Хорошо. Я ничего не говорил. Фрейтаг не стал сидеть, они ушли в комнату для студентов подле дежурной. Мы собрались в X аудитории и послали за ними Главинского, тот не сказал как следует, они поэтому не пошли; мы решили отправить депутацию сказать им, что они поступили нехорошо, по жребию; говорили, чтоб одного, я сказал — двух. Написали билетики, подняли — нам с Лыткиным. Пошли мы, стали выговаривать, они объяснились, и кажется, что они были решительно не виноваты.

Потом я пошел к Корелкину, где говорил о браке, что его должно уничтожить; сначала говорил более так, а теперь в самом деле убедился в этом отношении в вещах, о которых раньше думал, как думают люди старые. Оттуда к Вольфу, после домой. В воскресенье был у Вас. Петр., которому отнес еще две книжки, №№ 9 и 10, взял «Débats». Думаю, что должен начать говеть.

28-го [марта]. (Продолжаю это в субботу на пасху, 8 апр., ровно в 6 [час.] вечера.) — В понедельник от Ната пошел к Вознесенскому к часам, чтоб оттуда пойти к Срезневскому, а к Срезневскому вот зачем: во вторник 22-го, после Никитенкиной лекции, он подошел ко мне, когда я шел мимо дежурной; мы вышли к окну перед входом в аудиторию, и он сказал, что у него есть для меня работа и довольно занимательная — делать выписки о Сибири для Булычева¹⁴⁴, по 40 р. сер. в месяц. Я сказал, что весьма рад и благодарен ему. «Хорошо, — сказал он, — я переговорю». [Не] застав его, он сказал, что не виделся, и дал мне записку, чтоб я сам сходил — это на Английской набережной, подле Румянцевского музея, его дом — хорошо. Вечером пришел Вас. Петр., чтобы быть у Залемана, я вместе с ним пошел, чтоб оттуда и к Булы-

чеву. Залемана еще не было дома, поэтому мы в Пассаж, где до 6 часов. Оттуда он проводил меня до угла Адмиралтейства. Булычев спал, поэтому я во вторник должен быть. Когда пришел к Залеману, его не было. Я пошел домой и разошелся с Вас. Петр., который дожидался в Пассаже. Измучился весьма.

29-го [марта]. — У заутрени не был, к Булычеву — живет весьма хорошо, гораздо лучше Ворониных, поэтому богаче, чем я думал, должно быть, тысяч сто дохода. Должен был несколько времени (минуты две-три) дожидаться в сенях, говоря по-нашему, где швейцар, — это показалось решительно ничего; взошел, поговорил, решительно все холодно и ровно, нисколько не билось сердце и не смущался. Он сказал, что привезет из Сената их, Полное Собрание Законов, чтобы я зашел в 3-м часу. Я пошел к Корелкину, тот в церкви; я в церковь, оттуда к нему, посидел до 2 ночи; говорили о Державине, которого ругал я. Оттуда взял 3 тома, тащить было ужасно тяжело, нес до угла Исаакия, оттуда поехал на извозчике за 20 к. сер., но должен был отдать 25, потому что не было меньше. Два первых тома он привез и хронологический указатель. Я приехал домой почти в 4 часа; вечером просмотрел почти Уложение, хотя должен был выходить ко всеобщей, у которой не был почти все-таки; к Ханыкову, который, как сказал мне вчера Толстой, с которым встретился я на Невском, в больнице Маргулеса, — нет там. Я пошел к Ал. Фед., у которого прочитал дело о письмах дьякона Черницкого — умный и благородный человек.

30, 31 [марта], 1 апреля. — Был или после часов, или после вечерни у Срезневского и все не заставал, так что под конец подумал: или рассердился за что-нибудь, или (!! с чего) жена родит. Так как почти не был в церкви, то совестно было причащаться, я и вздумал только исповедываться, а не причащаться; хорошо, так и сделал. В четверг [был] у ранней обедни и не причащался, на душе ровно ничего. В пятницу почти кончил совершенно просмотр, и оставалось только сделать окончательно употребление.

В субботу, 2-го [апреля], получил 25 р. сер. себе, 15 Любиньке, но отдал ей 20, Вас. Петр-чу назначил 15, себе купил шляпу новую и гадкую за 2 р. сер. в Гостином дворе — мерзкая — и перчатки. Даже в этот день, бывши у Вольфа, выпил кофе как обыкновенно со сливками.

3-го апреля. — Пошел к заутрене, собственно для того, чтобы не стали дивиться и говорить, к Пантелеймону, чтобы быть в алтаре. Там Славинский позвал к себе; у него был племянник с женою — нехороша собою, хотя другому понравилась бы: это я считаю важным развитием вкуса. В пятницу и на пасху после обеда был у Вас. Петр. На пасху Над. Ег., так как была одета, весьма понравилась, немного походила на прежнюю, и лицо показалось таким молодым. Писано это все 12-го числа, в 10—10½ час. вечера.

Во вторник на пасху утром был у Срезневского, не застал его,

поэтому пошел вечером — нет снова (спал). Я пошел дожидаться к Branger'у, после к нему и убедился, что в самом деле не заставал раньше его дома. Он толковал со мною с четверть часа, и когда я сказал, сколько стал бы работать, он сказал: «Если так, я возьму вас помогать мне».

5-го в среду утром был у Вольфа, где просидел до 3; когда воротился, были у нас медицинские саратовские студенты и оба лучше Пелопидова, так что мне понравились, особенно другой, не Надеждинский, а другой. Но вечером со мной сделалось несколько жару, и поэтому я не весь решительно вечер писал, хотя хотелось скорее кончить; после до воскресенья была горячка, в четверг и пятницу — весьма сильный жар, ломило кости; я лежал на Любинькиной кровати и все пил ром, вино и пунш, в два дня эти выпил больше бутылки рому и полбутылки хересу и от силы болезни чувствовал от рому, который иногда пил по две рюмки враз, только освежение в голове, которая несколько была тяжела. В четверг был Вас. Петр. после обеда, в субботу снова. Ал. Фед. принес «Débats» до 3 апреля и взял прежние, принесенные Вас. Петр., который был поутру.

В воскресенье, 10-го, хотел идти к Вас. Петр., но не пошел, главным образом оттого, что была скверная погода.

11-го был в университете, обе лекции были, хотя я думал, что Нева пойдет, — нет еще, стоит и, может быть, долго простоят.

Ныне, 12-го, утром писал письмо своим и дописал Булычеву. Ошибся временем, думал, что должно быть к двум в университете, и было опоздал к Куторге. В университете решился с нынешнего дня прекратить лекции, т.-е. перестать бывать на них.

Завтра утром буду у Булычева, оттуда к Вольфу до 3-х, оттуда домой дожидаться Вас. Петр.; если его не будет, то в 7 к нему. Что-то будет у Булычева?

И вот я не писал снова целых полторы недели. Начинаю новую тетрадь 22 апреля, в 9 ч. 50 м. вечера.

Николай Чернышевский

ДНЕВНИК 1849 ГОДА, № 2. С АПРЕЛЯ 13

Начал писать 22 апр. в 10 час. вечера.

У Булычева должен был несколько времени дожидаться в швейцарской снова, потому что у него был ювелир. Конечно, это было неприятно, но я как-то холоден и не чувствовал ничего, потому что ведь это не я, а моя одежда, и то, что пришел пешком. Булычев нашел образец Собрания (я написал слово ссыла) весьма хорошим. Сказал, что статьи, которые не относятся к колонизации Сибири, должно выписывать как можно короче; [сказал], чтоб я был на другой день в Сенате сменить книги — мне должно было кроме